

ПАВЕЛ ГОРАНД

ПАЛИМПСЕСТ

Павел Горанд

Палимпсест

<https://litres.ru/74494103>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мемория» продаёт победу над смертью и вечную жизнь. Но когда Стивен Росс получает в наследство сознание собственного отца, основателя корпорации, он понимает: мир превращают в палимпсест, где поверх живого и смертного человека пишут новую, стерильную версию реальности.

Содержание

Глава 1. Линии между тенями	5
Глава 2. Голоса в стекле	15
Глава 3. След руки	31
Глава 4. Чужой размер	42
Глава 5. Последняя воля	54
Глава 6. Вечер	64
Глава 7. Красный след	76
Глава 8. Ледяная память	85
Глава 9. Ключ к мёртвому	97
Глава 10. Внутренний доступ	108
Глава 11. Первый вход внутрь	120
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Павел Горанд

Палимпсест

Бог живет в деталях, но дьявол прячется в идеальных пропорциях.

Настоящая жизнь начинается там, где рука художника дрогнула.

Глава 1. Линии между тенями

Клэр вышла из приюта в тот час, когда день уже начинал блекнуть, как старая ткань, много раз стиранная и вывешенная на один и тот же ветер. Во дворе всё ещё кричали дети — последние, кого не загнали на ужин или в спальни. Хлопала дверь прачечной, кто-то спорил у качелей до слёз, из кухни тянуло паром, мылом и варёной капустой. Весь этот бедный, шумный, знакомый до последнего скрипа мир был её прошлым и настоящим сразу. Здесь она выросла. Здесь теперь работала воспитателем. Иногда ей казалось, что жизнь не придумала для неё ничего нового — просто посадила в те же стены, только по другую сторону детского страха.

День выдался длинным. Один мальчишка объявил войну шарфам как символу насилия над личностью. В младшей группе кто-то спрятал котёнка в шкаф с бельём, и полчаса всё крыло пахло мокрой шерстью, пылью и паникой. Две девочки подрались из-за пластмассовой лошадки с такой яростью, будто делили не игрушку, а право на любовь. Клэр устала — не до подкашивающихся ног, а той тихой, вязкой усталостью, которая оседает где-то между рёбрами и делает даже мысли тяжелее.

На станции метро она остановилась у края платформы, поправила шарф и на секунду прикрыла глаза. Ей нравился этот короткий путь через город. В приюте всё было живым,

но шумным, рваным, требующим немедленного ответа. Собор, куда она ехала, тоже был живым — только иначе. Он не просил ничего. Просто принимал.

Вагон был наполовину пуст. Холодный свет бил в стекло, и в отражении её лицо казалось более бледным, чем было на самом деле. Пара прядей выбилась из тугого узла, под глазами лежали сероватые тени, на рукаве остался след детской краски — кто-то прижимался к ней после рисования, а она даже не заметила. Клэр стёрла пятно пальцем и отвернулась к чёрному окну, за которым туннель распадался на обрывки света.

Она думала о Стивене.

Не с той девичьей, сладкой рассеянностью, которую обычно называют любовью в дешёвых романах. Мысль о нём действовала на неё иначе. Не вспыхивала — успокаивала. Будто внутри, там, где за день всё разошлось, перетёрлось, перекопилось, вдруг находилась точка, вокруг которой можно было снова собраться.

Когда она вышла на поверхность, вечер уже сгущался. Над городом висел тусклый, свинцовый свет, и в нём собор Святой Марии казался темнее, чем был — как старое дерево под дождём. Он стоял чуть в стороне от улицы, и Клэр всегда думала, что город словно сам не решился до конца его приручить. Вокруг мигали витрины, гудел транспорт, стеклянные фасады отражали холодный свет, а здесь, у тяжёлых каменных стен, всё будто замедлялось, становилось тяжелее и

правдивее.

Она поднялась по истёртым ступеням и толкнула дверь. Внутри сразу стало тише.

Город остался снаружи — вместе с гулом шин, рекламным светом, чужими голосами. Собор встретил её прохладой, запахом старого дерева, воска, пыли, влажного камня и тонкой, едва уловимой тенью ладана, так глубоко въевшейся в стены, что её уже нельзя было отделить от самого воздуха. Клэр любила это место именно за это — за честность материалов. За то, что камень здесь был камнем, дерево — деревом, а тьма не пряталась за подсветкой, а дышала в углах спокойно и естественно. Всё старело открыто.

Где-то в глубине бокового нефа тихо звякнул металл.

Она пошла на звук.

Стивен стоял на невысоком помосте у иконостаса и работал над одной из икон. Он не заметил её сразу. Стоял боком, чуть склонив голову, с тем особенным выражением полной собранности, которое появлялось у него только здесь, среди старого дерева, тусклых красок и размытых ликов. На нём был старый рабочий свитер с закатанными рукавами, весь в следах пигментов, пыли и времени. Тёмные волосы торчали в разные стороны, будто каждый волос жил отдельной, упрямой жизнью. На щеке — тонкая полоска охры. На пальцах — краска, въевшаяся в кожу так глубоко, словно уже стала её частью.

Клэр села на ближайшую скамью и стала смотреть.

Когда Стивен работал, из него уходила вся его обычная неловкость. В жизни он часто носил себя так, будто заранее извинялся за собственное существование — за то, что оказался слишком мягким, слишком тихим, слишком не похожим на тех, кто легко и уверенно занимает место в мире. Но здесь, перед старой иконой, всё это исчезало. Оставалась одна сосредоточенная бережность. Его руки двигались так, будто он не касался дерева и краски, а разговаривал с чьей-то давно ушедшей жизнью.

Он слегка сжимал губы — как всегда, когда подходил к самому тонкому месту и боялся навредить. Эта привычка трогала Клэр почти до нежности. Нижняя губа чуть поджималась, между бровей ложилась едва заметная складка, и весь он в этот момент делался вдруг особенно уязвимым, почти беззащитным в своей серьёзности. Она давно заметила: именно тогда он казался ей самым красивым. Не в той гладкой, нарочно собранной красоте, которой восхищаются со стороны, а в подлинной — когда в человеке исчезает всё лишнее и остаётся только его настоящая суть.

Стивен почувствовал её раньше, чем увидел. Что-то внутри него привычно разжалось — не сознанием, а телом, той глубинной, мгновенной реакцией, которую невозможно подделать. Он уловил лёгкий ритм шагов, холодный воздух, вошедший с ней с улицы, едва различимый запах шерстяного шарфа и мыла.

Он отложил кисть и обернулся.

Лицо его сразу стало мягче.

— Клэр, — сказал он тихо. — Я не слышал, как ты вошла. Она улыбнулась.

— Я заметила. Ты опять разговаривал с иконой?

Он коротко фыркнул.

— Не разговаривал. Слушал.

— Это ещё хуже.

— Неправда. Хуже, когда отвечают.

Она подошла ближе, и он чуть сдвинулся, освобождая ей место. От неё пахло улицей, приютом, холодом, тканью шарфа и чем-то ещё — тёплым, своим, что невозможно было назвать.

— Как день? — спросил он, хотя уже и так видел по её плечам, по тени под глазами, по усталой складке у губ, каким он был.

— Шумный, — сказала Клэр. — Один мальчик решил, что свобода несовместима с шарфами. Кто-то спрятал котёнка в шкаф. А ещё дети попытались красить хлеб гуашью — кажется, из любви к искусству.

Стивен улыбнулся. Тихо, уголком рта.

— И как? Искусство победило?

— Искусство — нет. Но хлеб погиб достойно.

Они оба посмотрели на икону.

Лик святого проступал из времени медленно, как будто возвращался не из слоя копоти и грязи, а из самого забвения. Краски потемнели, доска потянулась сетью едва замет-

ных трещин, и всё же под этим старением ещё жила рука мастера — в изгибе складки, в тени под веком, в линиях, которые когда-то родилась из движения живого запястья.

Клэр наклонилась ближе.

— Смотри, — сказала она, указывая на край складки хитона. — Здесь линия неровная. Будто кисть соскочила. Ты можешь это исправить?

Стивен замер, снял перчатку с левой руки и осторожно, не касаясь поверхности, провёл пальцами в воздухе над этой линией.

— Могу, — сказал он. — Но не буду.

— Почему?

Он не сразу ответил. Для него это был не вопрос техники.

— Потому что это не ошибка, которую надо устранить, — тихо сказал он. — Это след руки. Человеческой. Живой.

Клэр перевела взгляд на него. Он стоял в полумраке, с охрой на щеке, с въевшейся в пальцы краской, и говорил о старой неровной линии так, будто защищал не мазок, а достоинство того, кто жил до них.

— Люди всё время думают, что реставрация — это когда берут старую вещь и делают из неё красивую новую, — продолжил он. — Чище. Ярче. Правильнее. Но это уже не сохранение. Это переделка. Подмена. Если я начну выправлять каждую кривую линию, каждый дрогнувший мазок, я уберу из иконы человека, который её писал. Оставлю только своё представление о том, какой она должна быть.

Он помолчал и добавил уже почти шёпотом:

— Реставрация не про идеал. Она про подлинность. Про то, чтобы удержать вещь как можно ближе к её исходной правде. Даже если эта правда неровная.

Клэр снова посмотрела на линию. Только что это была просто небольшая кривизна, изъян, который хотелось выровнять почти машинально. Теперь она видела в ней другое: момент человеческой жизни, который кто-то мог бы стереть ради гладкости.

— Но ведь иногда хочется, чтобы было красивее, — сказала она негромко.

Стивен повернулся к ней.

— Красивее для кого? Для нас? Для зрителя? Для отчёта? — Он едва заметно качнул головой. — Вещь не обязана быть удобной нашему вкусу. Иногда самая честная работа — не дорисовывать лишнего.

И Клэр подумала, что он говорит сейчас не только об иконе.

Во всём, что касалось дорогого ему, Стивен был удивительно упрям. Не в бытовых мелочах — там он скорее уступал, отступал, молчал. Но если речь шла о настоящем, о подлинном, о том, что нельзя заменить красивой копией без потери смысла, он становился твёрдым. Именно это она в нём и любила.

— Ты странный, — сказала она без насмешки.

— Знаю.

— Хорошо, что знаешь.

Он улыбнулся. Коротко, почти мальчишески.

Клэр протянула руку и сняла с его волос белую хлопковую нитку.

— Ты весь как забытая мастерская, — сказала она. — Тряпки, краски, пыль, полное отсутствие самосохранения.

— Но тебе нравится.

— Очень.

Эти её слова всегда действовали на него одинаково. Не как вспышка радости — слишком громкая и краткая, — а как тихое внутреннее умиротворение. Вокруг Клэр он переставал ощущать себя случайной, неудачной черновой версией кого-то более пригодного к жизни. Она не пыталась его переделывать или улучшать. Просто смотрела так, будто ему не нужно было становиться удобнее или правильнее, чтобы заслужить право быть любимым.

И именно поэтому она была для него не просто любимой женщиной.

Она была центром.

Не смыслом жизни — от таких слов он бы сам поморщился. Не спасением. Не романтической абстракцией. Гораздо тише и серьёзнее. Тем местом внутри, где всё наконец переставало расползаться. После тяжёлых дней, после собственного бесконечного внутреннего хаоса именно рядом с ней он снова обретал форму.

Клэр смотрела на него внимательно, и в её взгляде было

то редкое принятие, к которому он так и не привык.

Некоторое время они молчали. Стивен снова взял кисть и вернулся к работе — но теперь уже не с усталой скованностью, а с той тихой уверенностью, которая приходила к нему рядом с ней. Клэр села на скамью и осталась. Просто осталась. И в этом не было ничего героического, ничего громкого. Только простая, редкая, почти драгоценная верность: после длинного дня приехать через весь город, чтобы посидеть рядом, пока он спасает от времени чью-то линию.

Когда он наконец отложил кисть и спустился с помоста, вечер в соборе стал густым и синим. Он сел рядом с ней на скамью, сначала чуть поодаль — как всегда, будто всё ещё не до конца верил в собственное право на близость, — потом всё же плечом коснулся её плеча.

— Спасибо, что приехала, — сказал он.

Она взяла его руку. Пальцы у него были сухими, чуть шершавыми, с краской у ногтей, с мелкой пылью в складках кожи, с памятью о дереве и времени.

— Поедем домой? — спросила она.

— Поедем.

— И ты наконец поешь что-нибудь нормальное, а не кофе и кусок чёрствого хлеба?

— Это была булочка.

— Стивен.

Она посмотрела на него так, что он невольно усмехнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Поем.

Клэр положила голову ему на плечо.

Своды собора медленно уходили в тень. Камень остывал. Дерево темнело. Запах ладана почти растворился в воздухе, оставив после себя лишь память. А там, впереди, на старой иконе, неровная линия так и оставалась неровной — живой, подлинной, сохранённой.

И Клэр подумала, что, может быть, именно это и есть любовь: не исправлять, не делать удобнее для себя, а смотреть внимательно и говорить — я вижу тебя таким, какой ты есть.

Стивен, чувствуя у плеча её тёплую тяжесть, понимал, что если в его жизни вообще существовало что-то по-настоящему подлинное, то это была она.

Глава 2. Голоса в стекле

Квартира Брайана и Дианы находилась на девятом этаже старого дома, который, казалось, ещё помнил те времена, когда люди строили стены толще, а окна — уже. Лестничная площадка пахла жареным луком, стиральным порошком и чьим-то слишком сладким освежителем воздуха. Из-за двери напротив доносился смех ребёнка и металлическое дребезжание кастрюли. Всё было до странного обычным, и именно поэтому Клэр любила приходить сюда. После приюта, после собора, после всего, что каждый день заставляло держать спину прямой чуть дольше, чем хотелось, такие квартиры с их тесными прихожими, сброшенной в углу обуви и голосами за стеной напоминали ей, что жизнь всё ещё умеет быть простой.

Брайан открыл дверь, не дожидаясь второго звонка.

— Ну наконец-то, — объявил он, отступая в сторону. — Я уже решил, что вы сбежали в монастырь и оставили нас наедине с Тимоти.

— Это было бы жестоко, — сказала Клэр, снимая пальто.

— По отношению к кому? — донеслось из комнаты.

— Ко всем живым существам в радиусе пяти метров, — ответил Брайан.

Из гостиной тут же высунулся Тимоти — длинный, сутулый, в растянутом тёмном свитере, с кружкой в руке и тем

ленивым выражением лица, которое у него не менялось даже в моменты катастрофы.

— Наглая клевета, — сказал он. — Я сегодня исключительно обаятелен.

— Это ты так называешь похмелье? — крикнула Диана с кухни.

— Я называю это опытом.

Клэр рассмеялась. Стивен, стоявший рядом, тоже улыбнулся — не широко, как Брайан, а чуть заметно, уголком рта, но Клэр уже знала цену этим его маленьким улыбкам. Они всегда были настоящими.

В квартире было тепло. Не просто физически — батареи тут гудели как старый корабль, — а по-человечески. Из кухни тянуло чем-то пряным и печёным, по полу в гостиной были разбросаны подушки, на журнальном столике уже стояли тарелки с закусками, бутылки, криво открытая коробка печенья. На спинке кресла висел чей-то пиджак, под столом валялся один носок — то ли Брайана, то ли самой квартиры. На фоне всего этого уютного беспорядка тихо работал телевизор, приглушённый почти до шёпота. Его никто по-настоящему не смотрел — он просто жил своей жизнью в углу, переливая новости, рекламу, прогноз погоды, очередные лица говорящих ведущих.

Айрис сидела на полу, прислонившись спиной к дивану, и что-то показывала Алексе в телефоне. Увидев Клэр и Стивена, она оживилась.

— Наконец-то. Я уже думала, вы опять зависли в соборе и решили не возвращаться к смертным.

— Почти так и было, — сказала Клэр.

— Это потому что Стивен тайно питается ладаном и пылью, — отозвался Тимоти.

— А ты чем питаешься? — спросила Клэр.

Тимоти задумался.

— Ошибками молодости и солёными орешками.

— По тебе видно, — сказала Диана, входя с кухни с большой миской чего-то горячего и пахнущего чесноком.

Они расположились в гостиной, как располагались уже десятки раз до этого: без церемоний, без распределённых мест, без попытки сделать из встречи событие. Брайан развалился в своём любимом кресле, Тимоти устроился на подлокотнике дивана, будто нормальные поверхности его оскорбляли, Айрис подтянула колени к груди и завернулась в плед, Алекса села ближе к телевизору, как всегда немного слишком прямо, будто даже в гостях хотела производить впечатление собранного человека. Диана принесла ещё стаканы и села рядом с Брайаном, легко касаясь его локтем, почти неосознанно. Клэр устроилась на ковре, прислонившись спиной к дивану. Стивен опустился рядом, чуть боком, так, что их плечи почти соприкасались.

Разговор сначала тек легко и без направления. Обсуждали, как всегда, всякую чепуху, из которой на самом деле и состоит дружба: Тимоти опять жаловался на своего началь-

ника, который произносил слово “синергия” с религиозным выражением лица; Айрис рассказывала про новую соседку, заведшую декоративную птицу, которая кричала как человек в экзистенциальном кризисе; Брайан спорил с Дианой о том, можно ли считать лазанью кулинарным актом любви, если у повара закончился сыр на середине процесса.

Алекса говорила чуть меньше остальных, но каждый раз так, будто мысленно редактировала себя на полсекунды вперёд. В ней всегда было что-то устремлённое вверх — не высокомерие, а внутренний вектор. Клэр иногда думала, что Алекса даже смеётся с карьерной дисциплиной.

Стивен большую часть времени молчал, как обычно в большой компании. Не замыкался — просто слушал. Вставлял короткие замечания, иногда улыбался, пару раз тихо рассмеялся над особенно дурацкими репликами Тимоти. Рядом с этими людьми он не выглядел скованным, но и не стремился оказаться в центре разговора. Клэр знала: ему здесь хорошо именно потому, что можно не играть никакую роль. Просто сидеть, слушать, греть ладонь о кружку и иногда касаться её колена пальцами, будто убеждаясь, что она рядом.

Телевизор на заднем плане до этого момента никто почти не замечал. По экрану шли обычные вечерние новости: транспорт, инфляция, заседание какого-то комитета, погодные аномалии в прибрежной зоне. И вдруг Брайан, тянувшийся за оливками, замер.

— Подождите, — сказал он. — Сделайте погромче.

Алекса взяла пульт и прибавила звук.

На экране сменился кадр. Теперь там был крупный логотип “Мемории”, холодно сияющий над строчкой новостей, а рядом — фотография изъятых контейнеров, людей в форме, затем карта порта и лицо ведущего, привычно серьёзное, но чуть оживлённое той особой профессиональной интонацией, с которой сообщают о предотвращённой катастрофе.

“...благодаря аналитическим прогнозам и оперативному доступу к реконструкции преступной цепочки, предоставленным специалистами корпорации “Мемория”, правоохранительным органам удалось предотвратить ввоз в страну крупной партии синтетических наркотиков. По предварительным данным, стоимость изъятых грузов превышает семьдесят миллионов...”

— Вот, — сказал Брайан, указывая на экран так, будто это подтверждало его собственную давнюю правоту. — И после этого кто-нибудь ещё будет говорить, что они бесполезны?

Тимоти лениво отпил из кружки.

— Брайан, тебе не нужен повод восхищаться корпорациями. Ты и так это делаешь бесплатно.

— Я не восхищаюсь корпорациями. Я восхищаюсь тем, когда кто-то делает полезное дело. Семьдесят миллионов, между прочим. Представляешь, сколько этого дерьма могло бы попасть на улицы?

Айрис, завернувшись в плед, кивнула.

— Он прав. Как ни крути, с “Меморией” реально стало

спокойнее. Родители рассказывали, когда я была маленькой, раньше после девяти одни домой вообще не ходили. Особенно через парк. А сейчас — не знаю... не то чтобы совсем безопасно, но стало меньше этого... ужаса. Как будто город больше держат в узде.

— Город держат в узде не они, а полиция, — сказал Тимоти.

— Полиция с их аналитикой, — возразил Брайан. — Не прикидывайся. Ты сам в прошлом месяце рассказывал про тот случай с серийником, которого нашли за два дня только потому, что “Мемория” связала паттерны.

Тимоти поднял свободную руку.

— Я не спорю, что они умеют считать лучше всех. Я просто не люблю, когда одна структура начинает значить в мире слишком много.

— В смысле? — спросила Айрис.

Тимоти на секунду задумался, подбирая слова.

— Мемория слишком быстро растёт, — сказал он. — Уже сейчас она лезет в городские системы, в государственные проекты... Ещё немного — и без неё ничего не будет работать.

— И что? — Айрис пожала плечами. — Если это делает всё эффективнее?

— Вот именно это меня и напрягает, — буркнул Тимоти. — Сначала “делает эффективнее”, потом становится обязательной, а потом — незаменимой. И в какой-то момент ты

уже не понимаешь, где заканчивается государство и начинается она.

Брайан усмехнулся.

— Ну всё, — сказал он. — Кто-то пересмотрел фантастики.

— Серьёзно, Тим, это просто корпорация, а не захватчик мира.

Тимоти чуть скривился.

— Все “просто корпорации” заканчиваются одинаково, когда получают слишком много влияния.

— А если это спасает людей? — снова спросила Айрис.

Он на секунду замолчал, потом пожал плечами.

— Всё, что начинается со слов “это спасает людей”... обычно потом начинает решать, кого именно стоит спасать.

— Ты просто любишь звучать как усталый пророк, завывая нудить, — сказала Диана.

Тимоти посмотрел на неё и замолчал.

Диана сидела, обняв колени, и смотрела не на друзей, а на экран, где уже показывали архивные кадры из светлого зала “Мемории”: люди в белом, стекло, спокойные лица, логотипы, интервью. Её взгляд стал чуть отстранённым.

— Вот я не говорю, что они ничего хорошего не делают, — сказала она через секунду. — Может, и делают. Наверное, делают. И я понимаю, почему люди им благодарны. Но всё это всегда звучит иначе, когда у тебя кто-то там.

В комнате стало тише.

Брайан чуть повернул голову к ней.

— Ты про бабушку?

Диана кивнула.

— Про бабушку.

Она помолчала, будто подбирая слова не для спора, а для чего-то более хрупкого.

— Понимаете, в чём дело... когда человек умирает, это ужасно. Правда. Но в этом есть какая-то страшная честность. Мир ломается, а потом ты медленно, иногда годами, учишься жить с тем, что этого человека больше нет. Учишься не ждать звонка. Не думать каждый раз, что сейчас откроется дверь. Это больно, но хотя бы по-настоящему.

Она перевела взгляд на свои руки.

— А с “Меморией”... это как будто тебе не дают прожить утрату до конца. Как будто человек уехал в очень далёкое путешествие, из которого уже никогда не вернётся, но иногда выходит на связь. Ты можешь его видеть. Можешь слышать голос. Можешь даже поговорить о погоде, о самочувствии, о том, как прошёл день. Но ты не можешь подойти и обнять его, когда тебе плохо. Не можешь уткнуться лицом в плечо. Не можешь просто сесть рядом на кухне. И это ощущение... оно какое-то изматывающее. Будто тебя навсегда оставили в коридоре между “есть” и “нет”.

Никто не перебивал.

Даже Тимоти перестал ерничать.

Диана улыбнулась одними губами, с трудом.

— Иногда мне кажется, что, если бы бабушка просто умерла, мне было бы проще. Жестоко это говорить, да? Но я бы хотя бы знала, где боль заканчивается. А так — экран, голос, поздравления на праздники, советы, всё вроде бы есть... и при этом нет главного. Живого человека рядом.

Айрис вздохнула и подтянула плед выше.

— Я понимаю, о чём ты. Правда. Но, с другой стороны... многим и этого не дано. Возможность хотя бы поговорить — это уже очень много.

— Да, — сказала Диана. — Очень много. И недостаточно.

На экране тем временем показывали улыбающегося представителя “Мемории”, который рассказывал о важности межведомственного сотрудничества и социальной ответственности. Позади него, за стеклом, сияли белые коридоры и что-то похожее на лабораторию будущего. Всё было безупречно. Даже слишком.

— Я бы там работала, — неожиданно сказала Алекса. Все повернулись к ней.

Она пожала плечами, будто не понимала, чему тут удивляться.

— А что? Это место, где собраны лучшие умы. Реально лучшие. Вы только подумайте. Доступ к самым сложным задачам, к самым передовым разработкам, к мощностям, о которых большинство только читает. Они же не только сознания хранят, у нас полмира держится на их патентах. Новые медицинские штуки, материалы, системы, алгоритмы. Если

хочешь делать что-то большое, туда и надо идти.

— Очень вдохновляюще звучит, — сказал Тимоти. — Особенно если не думать о том, что всё это похоже на монастырь для отличников с бюджетом маленькой страны.

— А что плохого в амбициях? — сухо спросила Алекса.

— Ничего. Пока они не начинают смотреть на людей исключительно как на средство заработка.

— Это уже твои фантазии.

— А это уже твои карьерные мантры.

— Дети, — сказал Брайан. — Не ссорьтесь, пока не доели закуски.

Клэр всё это время слушала молча. Ей было интересно не столько то, что говорят, сколько то, как говорят. Как поразному “Мемория” живёт в каждом человеке. Для Брайана — как доказательство того, что мир ещё можно упорядочить. Для Айрис — как облегчение и безопасность. Для Дианы — как красиво завёрнутая форма потери. Для Алексы — как вершина, место силы и разума. Для Тимоти — как система, которая однажды может перейти ту черту, за которой помощь перестаёт быть помощью.

Она повернула голову к Стивену.

Он сидел чуть в тени, с кружкой в руке, и смотрел на экран так, будто видел не новости, а что-то за ними. Лицо его оставалось спокойным, но Клэр знала этот взгляд. Так он смотрел на вещи, которые не хотел осуждать вслух, но внутренне уже отодвигал от себя. Не из гордости. Из инстинкта.

— А ты что думаешь? — спросила Айрис, опередив её.
Стивен чуть моргнул, будто вернулся откуда-то издалека.
— О чём именно?

— О “Мемории”, — сказал Брайан. — Не увиливай. Ты у нас сегодня слишком молчаливый. Это подозрительно.

Стивен покрутил кружку в ладонях.

— Не знаю, — сказал он после короткой паузы. — Наверное, они правда делают много полезного. Если они действительно помогли остановить груз — это хорошо.

— “Наверное”, — передразнил Тимоти. — Великий энтузиазм.

Стивен чуть улыбнулся.

— Я не очень умею восторгаться системами.

— А людьми? — спросила Диана.

Он посмотрел на неё.

— Людьми — легче.

В комнате на секунду стало совсем тихо. Не неловко. Скорее задумчиво.

Стивен не собирался говорить больше, но мысли всё равно уже двигались своим ходом, тихо, почти незаметно даже для него самого. Он смотрел на безупречные белые коридоры на экране и думал о старом дереве в соборе. О краске, потемневшей от времени. О неровной линии, которую можно было бы исправить — и тем самым убить. О том, как легко люди называют прогрессом всё, что делает вещи чище, удобнее, правильнее. И как редко спрашивают, что именно

при этом исчезает.

Он не сказал этого вслух. Не хотел звучать как человек, заранее спорящий с будущим. Но что-то в самой идее перенесённого сознания всегда оставляло у него внутри тонкую, почти физическую занозу. Не страх даже. Неприязнь к подмене.

— Мне кажется, — тихо сказала она, прежде чем кто-то успел снова перевести разговор в шутку, — люди просто боятся потери. И если появляется хоть что-то, что обещает её смягчить, почти невозможно остаться в стороне. Даже если понимаешь, что это не совсем то же самое.

— Не совсем? — переспросила Диана, и в голосе её было что-то усталое. — Совсем не то же самое.

— Да, — кивнула Клэр. — Совсем не то же. Но я понимаю, почему люди идут туда. Потому что альтернатива — пустота.

Брайан вздохнул и потёр затылок.

— Вот поэтому я и говорю: всё сложно. С одной стороны — да, жутковато. С другой — если благодаря им меньше наркоты, убийств и насилия... — Брайан потянулся за оливками, но, не донеся руку, вдруг усмехнулся. — ...и на этом фоне находятся идиоты, которым всё мало.

— О, началось, — протянул Тимоти.

— Нет, серьёзно, — Брайан повернулся к остальным. — Вы видели, что вчера устроил «Пепел»?

Айрис нахмурилась:

— Это где?

— Южная подстанция. Ночью. Вырубили часть района почти на три часа. Залили распределители какой-то дрянью и расписали стены.

— Машинным маслом, — лениво вставил Тимоти. — И да, с лозунгами. Я видел фото.

— Вот именно! — Брайан развёл руками. — Чистое вредительство. Мир наконец начинает работать нормально, спокойно, а они...

— ...напоминают, что не все хотят, чтобы он был таким, — тихо сказала Диана.

Он посмотрел на неё с лёгким раздражением:

— Да кому может помешать порядок?

Диана не сразу ответила. Она провела пальцем по краю стакана, будто собираясь с мыслями.

— Тому, кто не верит, что этот порядок — для него, — сказала она наконец. — Или что он вообще про людей.

— Они не про людей, — отрезал Брайан. — Они про страх. Про красивую идею, за которой прячется обычный вандализм.

— У них странные методы, — согласилась она. — И иногда от их лозунгов правда становится не по себе.

— «Человек имеет право закончиться», — хмыкнул Тимоти. — Очень оптимистично.

— Но... — Диана подняла глаза. — иногда я понимаю, откуда это берётся.

В комнате стало чуть тише.

— Когда тебе говорят, что смерть — это проблема, которую можно решить, — продолжила она, — кто-то обязательно спросит, имеет ли человек право на то, чтобы она осталась.

Айрис поёжилась, подтягивая плед:

— Звучит жутко.

— А «жить вечно в системе» — нет? — спокойно ответил Тимоти.

— Это не «вечно в системе», — вмешалась Алекса. — Это сохранение личности. Огромная разница.

— Для кого как, — сказал он.

Брайан покачал головой:

— Вы сейчас серьёзно обсуждаете философию каких-то поджигателей?

— Они не поджигатели, — тихо сказала Клэр, сама удивившись, что вмешалась. — Они... реакция.

— На что? — спросил Брайан.

Клэр на секунду задумалась.

— На страх, что что-то очень большое происходит без согласия всех остальных.

Телевизор в углу продолжал говорить своим ровным голосом про безопасность, эффективность и будущее, которое становится всё более управляемым.

Напряжение слегка отпустило.

Разговор потёк дальше — к еде, к глупым историям из

университета, к тому, почему Брайан однажды пытался сам собрать книжный шкаф и едва не разрушил собственную веру в геометрию. Но “Мемория” уже осталась в комнате — не как новостной сюжет, а как что-то, что живёт у каждого из них внутри по-разному.

Позже, когда Клэр пошла на кухню за чистыми стаканами, Стивен поднялся за ней. Не потому что стаканы были тяжёлыми. Просто ему хотелось на минуту оказаться с ней вдвоём, в тишине между голосами.

На кухне было теплее, окна запотели от пара. Диана оставила на столе недорезанный лимон, нож и миску с чем-то сладким.

Клэр поставила стаканы в ряд и посмотрела на него.

— Ты совсем не любишь её, да? — спросила она негромко.

Он не сделал вид, что не понял.

— Не знаю, — ответил он честно. — Может, не её. А идею, что можно что-то настоящее заменить настолько хорошо, что все согласятся считать замену достаточной.

Клэр молчала.

Стивен провёл большим пальцем по краю стакана.

— Наверное, это полезно, — сказал он. — Наверное, это даже делает мир безопаснее. Но я всё время думаю о том, что есть вещи, которые нельзя передать без потери. Присутствие. Тепло. Чью-то живую паузу в голосе. Человека рядом, а не его доступную версию.

Он усмехнулся чуть смущённо, будто понял, что сказал слишком много.

— Звучит старомодно, да?

Клэр покачала головой.

— Нет. Звучит по-настоящему.

Он посмотрел на неё и ничего не ответил, но во взгляде было то тихое облегчение, которое у него появлялось всякий раз, когда она не требовала от него быть современнее, проще, удобнее. Просто понимала.

Из гостиной донёсся голос Брайана:

— Если вы там целуетесь, то имейте совесть и, хотя бы принесите лёд!

Клэр закатила глаза.

— Романтика умерла.

— Нет, — сказал Стивен, беря стаканы. — Просто у неё громкие друзья.

Глава 3. След руки

Утренний свет в соборе никогда не наступал сразу.

Он не врывался внутрь, как в обычные дома, не заливал пространство целиком, не стирал тени. Здесь он приходил осторожно, по камню, по старому дереву, по краю скамей, по пыли, висящей в воздухе. Просачивался сквозь высокие окна тонкими, бледными пластами и ложился на стены так, будто сам боялся потревожить то, что пережило слишком много лет.

Стивен любил эти часы больше остальных.

Когда собор ещё не наполнялся чужими шагами, когда служители не начинали двигать тяжёлые ящики, когда воздух был неподвижным и холодноватым, а тишина стояла такой плотной, что в ней можно было различить шорох собственной кисти по поверхности. В эти минуты казалось, что мир наконец перестаёт торопиться. Что время, снаружи разорванное на экраны, графики, сводки и бесконечные требования быть быстрее, здесь всё-таки течёт по старым законам.

Он стоял на платформе у северной стены нефа, там, где продолжал работать над фреской с Серафимом. Доски под ногами тихо поскрипывали при каждом движении. Рядом, на узком столике, лежали тампоны, кисти, маленькие склян-ки с растворами, скальпель, перчатки, чистые салфетки. Всё

было расставлено так, как он любил: не по нарочитой симметрии, а по логике руки, которая знает, к чему потянется в следующую секунду.

Фреска проступала медленно.

Слой копоти, въевшейся за десятилетия в штукатурку, поддавался неохотно. Местами приходилось работать почти по миллиметру, счищая серо-чёрную плёнку с такой осторожностью, будто под ней лежал не пигмент, а живая кожа. Но Стивена это не раздражало. Наоборот. Ему нравилось, что вещь не раскрывается сразу, что к ней нужно идти, заслуживать каждый открытый участок, каждую линию, каждый проблеск цвета.

Он снял ещё немного тёмного слоя с края крыла и отступил на полшага. Бирюза на глазах Серафима пока только намечалась — слишком тускло, чтобы назвать её цветом, — но уже было видно, каким живым станет этот взгляд, когда он доберётся до него полностью.

Внизу, в левом крыле нефа, раздался знакомый, размеренный звук: лёгкое касание металла о стекло, потом тихий шорох бумаги.

Эзра был уже на месте.

Стивен посмотрел вниз.

Старик стоял у большого стола под окном, где обычно раскладывал осколки витражного стекла и старые эскизы. Его сутулость не была слабостью — скорее привычкой человека, слишком долго жившего над мелкой работой. На нём был

тёмный жилет поверх выцветшей рубашки, рукава закатаны до локтей. Узловатые пальцы двигались медленно, но уверенно. Эзра не любил лишней скорости и никогда не суетился. Даже если бы в соборе начался пожар, Стивен подозревал, что сначала тот положил бы инструмент на место.

Он спустился с платформы, держа в руке использованный тампон.

— Доброе утро, — сказал Стивен.

— Для кого как, — отозвался Эзра, не поднимая головы.
— Если человек просыпается раньше солнца, у него либо чистая совесть, либо дурная профессия. В нашем случае — второе.

Стивен усмехнулся.

— Я думал, вы скажете что-нибудь возвышенное.

— Это и было возвышенное. Для реставратора.

Он подошёл ближе. На столе лежал развёрнутый картон с эскизом витража, старые фрагменты стекла, несколько линеек, нож и крошечный, почти сточенный до основания огрызок красного карандаша. Эзра держал его двумя пальцами с такой бережностью, будто это был не карандаш, а реликвия.

Стивен смотрел, как старик проводит по эскизу тонкие разметочные линии — короткие, точные, уверенные, — и только потом заметил, насколько мал сам карандаш.

— Вы серьёзно всё ещё им пользуетесь? — спросил он. — У него же длина меньше спички.

Эзра хмыкнул.

— И всё же рисует.

Стивен сунул руку в карман рабочего фартука и вытащил свой механический карандаш — тёмный, тонкий, из хорошего металла, с мягким ходом грифеля. Он купил его несколько месяцев назад и сам толком не понял зачем: с обычным деревянным ему работалось не хуже. Наверное, просто захотелось однажды подержать в руке вещь, сделанную слишком хорошо.

— Возьмите мой, — сказал он. — Он удобнее. Серьёзно. Тут хороший баланс, грифель не ломается, можно менять толщину. Вам будет проще делать разметку.

Эзра наконец поднял голову и посмотрел сначала на карандаш, потом на Стивена. Во взгляде его мелькнуло что-то вроде мягкого удивления, как будто он не ожидал от жизни такой простой заботы.

— Новый — не значит нужный, — сказал он.

— Но лучше же.

— Лучше для кого?

Стивен уже хотел что-то возразить, но старик отложил огрызок, вытер пальцы о ветошь и очень осторожно взял предложенный карандаш. Несколько секунд повертел его в руке, проверяя вес, потом положил обратно на стол рядом с красным обрубком.

— С хорошими инструментами всегда одна беда, — сказал Эзра. — Они слишком легко заставляют человека забыть, зачем он вообще начал работу.

Стивен нахмурился чуть больше из любопытства, чем от несогласия.

— По-моему, задача инструмента как раз в том, чтобы облегчать.

— Облегчать — да. Подменять — нет.

Он взял свой маленький карандаш и поднял его двумя пальцами.

— В мире всё должно пройти свой путь до конца, Стивен. Даже вещь. Даже человек. Даже кусок дерева, из которого сначала делают карандаш, потом стачивают, потом держат его чьи-то руки, пока он не исчезнет совсем. В этом и есть смысл — дойти от начала до самого конца и выполнить то, ради чего ты был сделан.

Он замолчал, будто сам прислушался к сказанному.

Потом неожиданно протянул огрызок карандаша Стивену.

— Возьми.

Стивен моргнул.

— Что?

— Возьми, говорю. Мой путь с ним почти закончился. Тебе пригодится.

— Да я же просто предложил.

— А я просто дарю.

В голосе Эзры не было ни торжественности, ни нажима. Только спокойная. Стивен принял огрызок карандаша. Тот оказался тёплым от чужих пальцев, лёгким до странного, по-

что невесомым. Красное дерево было затёрто, лак местами сошёл, на гранях остались следы ногтей.

— И что мне с ним делать? — спросил он.

— Для начала не потерять, — сказал Эзра. — Это уже неплохой навык.

Стивен усмехнулся и, не найдя лучшего места, положил карандаш рядом со своими инструментами на край платформы, где работал с фреской. Тот лёг на дерево просто и естественно, как вещь, которая давно здесь была.

— Так что у вас сегодня? — спросил Эзра, возвращаясь к витражу. — Всё ещё воюешь с копотью?

— Ага. Северный участок идёт тяжело. Свечи за годы въелись так, будто люди специально коптили именно эту стену.

— Люди всегда особенно усердно портят то, что любят, — заметил Эзра.

Стивен поднял взгляд к фреске.

— Ничего, — сказал он. — Всё равно достанем. Тут много грязи, да, и копоть плотная, но слой держится хорошо. Основание не поплыло. Если пойдёт так же дальше, можно почти всё вернуть. По крайней мере, образ. Цвета. Контуры. Она ещё встанет. Практически в первоизданном виде.

Эзра долго молчал. Он не спорил и не улыбался. Просто провёл очередную линию по картону, потом ещё одну, выравнивал стеклянный фрагмент по краю.

— Не всё потерянное можно вернуть, — сказал он нако-

нец.

Фраза прозвучала тихо, но в тишине собора она легла так тяжело, что Стивен невольно опустил глаза на старика.

Эзра не смотрел на него. Весь его профиль остался спокойным, почти непроницаемым, как будто он говорил о самых обычных вещах: о растворе, о штукатурке, о сколах на стекле. Только пальцы на секунду задержались на краю эскиза.

— Бывает, — продолжил он после короткой паузы, — что человек всю жизнь учится различать две вещи. То, что ещё можно спасти. И то, что уже нельзя трогать с надеждой. Только с памятью.

Стивен молчал.

Он давно понял: у Эзры есть внутри нечто, о чём тот не говорит. Не травма даже — тень. Глубокая, старая, нерассказанная. Иногда она мелькала в оговорках, в слишком долгом взгляде на какую-нибудь вещь, в паузах, которые длились на секунду дольше, чем требовал разговор. Стивен никогда не спрашивал прямо. Из уважения. Или из трусости — он не был до конца уверен.

— Вы сейчас о фреске? — спросил он осторожно.

Эзра поднял глаза и посмотрел на него так, будто впервые за всё утро действительно увидел.

— А ты как думаешь?

Стивен чуть пожал плечами.

— Думаю, вы редко говорите только о том, о чём говорите.

На это старик вдруг усмехнулся. Не весело — скорее устало, но с какой-то тёплой признательностью.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, ты всё-таки смотришь дальше краски.

Он отложил линейку и медленно выпрямился, разминая спину. В утреннем свете морщины на его лице стали глубже, а глаза — светлее. Было в нём что-то от старого дерева: изношенность без хрупкости.

— Фреска твоя хороша, — сказал он. — Ты не спешишь. Не лезешь туда, где руки должны уметь остановиться. Это редкое качество.

— По-моему, базовое.

— Для ремесла — возможно. Для мира — нет.

Стивен хотел ответить чем-то ироничным, но не стал. Слишком спокойно прозвучали эти слова. Слишком точно легли на что-то в нём самом.

Эзра ещё несколько секунд смотрел на него, как будто сверял в уме какую-то старую мысль с живым человеком перед собой.

— Ты знаешь, почему я терплю тебя здесь? — спросил он вдруг.

— Потому что я вовремя убираю инструменты?

— Нет. Это как раз ты делаешь из рук вон плохо.

— Тогда потому что я молчу, когда вы ворчите?

— И это не спасает.

Стивен улыбнулся.

— Тогда почему?

Эзра медленно опёрся ладонями о стол.

— Потому что ты не хочешь владеть тем, к чему прикасаешься. Только сохранить. А таких людей осталось мало.

Фраза прозвучала буднично, но почему-то отдалась у Стивена внутри сильнее, чем он ожидал. Он не привык, чтобы его видели так точно. Тем более мужчины старше, тем более мастера. Тем более люди, у которых за плечами было что-то такое, о чём они предпочитали не говорить вообще.

— Вы говорите так, будто это редкая добродетель, — сказал он.

— Так и есть.

— А по-моему, это просто нормальное отношение к вещи.

Эзра тихо хмыкнул.

— Ты ещё молод, Стивен. Молодые люди часто принимают редкость за норму, если им самим повезло быть устроенными правильно.

Стивен опустил взгляд.

“Устроенными правильно” он себя никогда не ощущал. Скорее наоборот — слишком тихим, слишком сомневающимся, слишком неуместным в мире, где ценили нажим, скорость и уверенность. Но возражать не хотелось. Не из согласия. Из чувства, что спор здесь прозвучит мельче, чем сама пауза.

Эзра снова взял стеклянный фрагмент и поднёс его к свету.

— У тебя хороший глаз, — сказал старик, не оборачиваясь. — И хорошая привычка не торопиться. Береги обе вещи. Мир любит людей, которые умеют быстро улучшать. А вот тех, кто умеет не испортить, обычно замечают слишком поздно.

В его голосе не было прямого смысла, за который можно было бы зацепиться, но Стивен всё равно почувствовал в этих словах что-то чуть большее, чем просто наставление. Будто старик говорил не только о работе. Будто давно держал в уме какую-то мысль о нём и теперь непроизвольно дал ей выйти наружу.

— Звучит мрачно, — сказал Стивен.

— Правда редко обязана быть бодрой.

— Это у вас врождённое? Или преподавали отдельно?

— Иди работай, — буркнул Эзра. — А то я передумаю и заберу карандаш обратно.

Стивен вернулся к платформе.

Поднявшись наверх, он машинально коснулся красного огрызка, лежавшего рядом с кистями. Тёплый след чужих пальцев уже ушёл, но вещь всё равно казалась странно живой. Он взял скальпель, потом снова посмотрел вниз.

Эзра стоял у окна и работал дальше, будто разговор закончился сам собой. Но в том, как он держался, в редкой сосредоточенной неподвижности его спины, в старой, почти незаметной усталости было что-то такое, что не отпускало мысль о фразе: не всё потерянное можно вернуть.

Стивен перевёл взгляд на Серафима.

Там, под копотью, всё ещё было можно. Цвета не умерли. Линии держались. Время испачкало, но не уничтожило.

Он поднёс тампон к стене и начал снимать очередной серый слой. Медленно, по чуть-чуть.

А внизу Эзра снова взял в руки линейку и склонился над витражом — старый мастер, слишком многое понимающий о вещах, которые уже не склеить, и потому особенно бережный к тем, что ещё существуют.

Собор молчал вокруг них своим каменным, глубоким молчанием. Утро всё ещё не наступило окончательно. Свет робко входил в новый день.

Глава 4. Чужой размер

Когда Стивен вернулся домой, было уже темно.

Не поздно — город ещё не успел окончательно уйти в ночь, в окнах напротив горел тёплый бытовой свет, за стеной кто-то двигал стул, в трубе на кухне шумела вода. Но день был уже закрыт. Так плотно, как закрывают старую книгу, вложив палец между страниц, чтобы потом вернуться к нужному месту.

Он стоял в прихожей чуть дольше, чем было нужно, снимая пальто, как будто не торопился окончательно переступить порог собственной квартиры. После собора всегда требовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к домашнему пространству. Там всё было иначе: камень, дерево, холодный воздух, тишина, в которой слышно, как думают руки. Здесь — батарея у стены, лампа с тёплым абажуром, кружка на столе, шарф Клэр, брошенный на спинку стула, запах чего-то мыльного, сушёных трав и чуть-чуть пыли из шкафа.

Из комнаты донёсся шорох передвигаемых коробок.

— Это я, — сказал он, хотя и так знал, что дома только Клэр.

— Очень надеюсь, — донеслось в ответ. — Если ты не Стивен, то у нас проблема.

Он прошёл в комнату.

Клэр стояла у распахнутого шкафа в старой футболке и

домашних штанах, с собранными кое-как волосами и сосредоточенным выражением лица, которое появлялось у неё всякий раз, когда она решала “просто немного навести порядок”, а в итоге вступала в полномасштабную войну с пространством. На полу уже лежали две стопки книг, коробка с какими-то бумагами, старый плед, моток проводов, который явно пережил несколько поколений техники, и пыльный чехол для одежды, отложенный в сторону.

— Я думала, в этом шкафу живёт только одежда, — сказала Клэр, не оборачиваясь. — Но, похоже, здесь ещё похоронено твоё прошлое, пара неудачных решений и небольшой склад вещей “на всякий случай”.

Стивен устало усмехнулся, прислоняясь плечом к дверному косяку.

— Не трогай “на всякий случай”. Это хрупкая система.

— Она похожа на археологический слой.

— Это и есть археологический слой. Просто современный.

Клэр наконец обернулась и посмотрела на него. Усталость на его лице она увидела сразу — в том, как он держал плечи, в чуть осевшем взгляде, в пыли, всё ещё оставшейся у виска, будто день не хотел отпускать его до конца. Она ничего не сказала про усталость. Вместо этого просто кивнула в сторону кухни.

— Я поставила тебе чай. Он ещё тёплый.

— Ты святая женщина.

— Нет. Я просто не хочу, чтобы ты умер от кофе, булочек и собственной безответственности.

Он пошёл на кухню, налил себе чай и вернулся с кружкой в руках. Клэр уже снова копалась в шкафу. Несколько секунд он просто смотрел на неё — на то, как уверенно и без лишнего шума она двигается по комнате, вытаскивает вещи, решает за секунду, что оставить, что убрать, что можно сложить иначе. В приюте она, наверное, научилась этому раньше, чем нормально спать: наводить порядок не потому, что любит аккуратность, а потому, что иначе хаос начинает жить вместо тебя.

— Что ты ищешь вообще? — спросил он.

— Сначала я искала место для зимних вещей. Потом поняла, что твой шкаф хранит слишком много тайн. Теперь уже из принципа.

— Это опасный путь.

— Поздно.

Она вытащила из глубины шкафа пыльный чехол и встряхнула его так, что в воздух поднялась тонкая серая пыль.

— О, а вот это что?

Стивен сначала не понял. Потом увидел чехол — длинный, плотный, почти нетронутый временем, — и что-то в нём мгновенно узнал ещё до того, как Клэр расстегнула молнию.

Он поставил кружку на комод чуть осторожнее, чем тре-

бывалось.

— Ничего особенного, — сказал он. — Можно было и не доставать.

Но Клэр уже расстёгивала чехол.

Тёмная, почти графитовая ткань блеснула в тёплом свете лампы.

Костюм.

Клэр подняла взгляд.

— Ты же никогда не носишь костюмы.

— Именно поэтому он и живёт в шкафу.

Она провела ладонью по ткани.

— Откуда он у тебя?

Стивен помолчал.

— От отца.

В комнате как будто стало немного тише. Не потому, что случилось что-то страшное, а потому, что упоминание Альберта всегда меняло воздух — даже если произносили спокойно. Оно не приносило с собой конкретную боль, не било резко. Оно просто сразу делало всё вокруг чуть менее свободным.

Клэр не убрала руку с ткани, но её пальцы замерли.

— Он подарил?

— Прислал, — поправил Стивен. — Через Харриса. Два года назад.

— Просто так?

Он коротко усмехнулся. Улыбка вышла сухой.

— У него ничего не бывает просто так.

Клэр расстегнула чехол до конца и достала пиджак. Тяжёлый, дорогой, слишком хорошо сшитый, чтобы быть случайной вещью. Даже на взгляд он был из мира, где люди не ходят, а входят; не садятся, а занимают место; не разговаривают, а формулируют позицию.

— И что он написал? — спросила она.

Стивен прислонился к стене, скрестив руки.

— Там была короткая записка. В духе отца. Что-то вроде: “На случай, когда тебе наконец понадобится выглядеть соответственно”.

Клэр подняла глаза на него.

— Соответственно? Чему?

— Видимо, чьим-то ожиданиям.

Он сказал это легко, почти иронично, но Клэр слишком хорошо его знала, чтобы не услышать под этой лёгкостью старое раздражение. Давнее, почти выветрившееся от привычки — и именно потому особенно глубокое.

— Ты его примерял? — спросила она.

— Тогда? Почти нет. Надел, посмотрел в зеркало, снял. Он был велик. И вообще... — Стивен пожал плечом. — Выглядел как попытка нарядить меня в кого-то другого.

Клэр посмотрела на костюм внимательнее. Вещь была слишком хорошей для простого жеста. Слишком точной. Слишком продуманной.

— Покажи, — сказала она.

Стивен сразу покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу вечером среды внезапно выглядеть как молодой корпоративный призрак.

— Я просто хочу посмотреть.

— Клэр.

— Стивен.

Он вздохнул и прикрыл глаза на секунду, как человек, заранее понимающий, что сопротивление бесполезно.

— Ты пользуешься тем, что я устал.

— Конечно. Это моя лучшая стратегия.

Несколько секунд он ещё стоял неподвижно, потом всё-таки взял пиджак из её рук. Ткань была холодной и гладкой, почти безжизненной в своей дорогой правильности. Он всегда это чувствовал, когда касался вещей, которые отец выбирал сам: они не были красивыми в привычном смысле, они были выверенными. Как будто кто-то сначала измерил мир, а потом решил, каким ему позволено быть.

Стивен снял свитер, на секунду оставшись в тонкой футболке, и надел пиджак.

Клэр смотрела молча.

Она ожидала увидеть то, о чём он рассказывал: чужую вещь, висящую на нём, как ошибка. Но этого не произошло.

Нет, костюм не сидел идеально. Всё ещё было ощущение, что он сделан не для того Стивена, которого она знала лучше

всего: не для человека в краске, с закатанными рукавами, с привычкой сжимать губы над тонкой работой. И всё же...

Ткань легла ближе к телу, чем должна была. Плечи не проваливались в чужой крой. Рукава не казались нелепо длинными.

Линия спины вдруг собралась, стала строже, и на короткий миг перед ней оказался кто-то слишком похожий на будущее, которое ей не нравилось.

Она задержала взгляд дольше, чем собиралась.

Стивен заметил это почти сразу.

— Что? — спросил он, поправляя манжету с неловкой иронией. — Настолько плохо?

Клэр не ответила мгновенно. В этом и была вся странность: плохо не было. В этом-то и заключалась проблема.

— Он... — начала она и остановилась. — Он сидит лучше, чем ты говорил.

Стивен поднял голову.

Он подошёл к зеркалу на дверце шкафа и посмотрел на себя. Несколько секунд ничего не говорил. Просто стоял. Тёмный, строгий силуэт, сухая линия плеч, лицо, которое внезапно становилось старше и жёстче в этом крое. Не от возраста — от роли.

В зеркале он и правда выглядел не смешно. Не чужеродно. Это и было самым неприятным.

Словно два года назад Альберт прислал не вещь, а оболочку, в которую Стивен только теперь начал медленно входить.

Он снял очки, потер переносицу и вдруг очень ясно вспомнил кабинет отца.

Последнюю их встречу.

Холодное стекло за спиной Альберта. Тонкие, слишком чистые пальцы на краю стола. Запах какой-то идеальной стерильности заполнивший всё свободное пространство. Свет, который всегда падал в этом кабинете так, будто даже солнце проходило там через фильтр управления.

Они не разговаривали тогда нормально. Да и когда вообще разговаривали? Ссора давно стала их единственным стабильным языком. Альберт не простил ему ни колледжа искусств, ни соборов, ни того факта, что Стивен добровольно выбрал жизнь, не имеющую отношения к росту, власти и эффективности.

Он и тогда начал с этого.

— Ты всё ещё там? — спросил отец, не поднимая глаз от каких-то данных на стеклянной панели. — Всё ещё тратишь дни на то, чтобы вычищать грязь из чужих ошибок?

Стивен помнил, как пожал плечами, стараясь держать голос ровным.

— Я реставрирую.

— Ты консервируешь распад, — отрезал Альберт. — Есть разница.

Потом отец всё-таки поднял глаза. Посмотрел на него долго, слишком внимательно. Не с привычным презрением даже. Оценивающе. Будто в первый раз по-настоящему изме-

рял. Тогда Стивену это показалось просто очередной формой холодного контроля.

Теперь это воспоминание возвращалось иначе.

— Ты всё ещё не понимаешь, где можешь оказаться полезен — сказал тогда Альберт.

Стивен тогда ответил что-то резкое — уже и не вспомнить что именно. Наверное, про то, что не собирается становиться очередным винтиком в его башне. Отец не спорил. Только чуть склонил голову, будто услышал не отказ, а временную задержку.

Теперь, глядя в зеркало, Стивен вдруг ощутил это очень ясно: Альберт никогда не видел в нём того, кто он есть. Только того, кем тот мог бы стать в рамках чужого расчёта.

— Стивен? — тихо сказала Клэр.

Он моргнул, возвращаясь в комнату.

— Что?

Клэр коснулась его руки, и он моргнул, возвращаясь.

Он отвёл взгляд от зеркала и снял пиджак слишком быстро, почти резко. Будто ткань успела коснуться его не только снаружи.

— Ненавижу такие вещи, — сказал он.

Клэр осторожно взяла пиджак у него из рук и повесила обратно на плечики, не убирая пока в чехол.

— Из-за него?

Стивен стоял, глядя в пол.

— Из-за того, как он думает, — сказал он наконец. — Он

всегда пытался видеть во мне не того, кто я есть, а того, кто ему нужен.

В его голосе не было злости. Только усталое, почти выцветшее раздражение человека, слишком давно живущего рядом с одной и той же невозможностью быть увиденным правильно.

Клэр подошла ближе.

— Это не значит, что он был прав.

Стивен усмехнулся — коротко, безрадостно.

— Нет. Но это значит, что он очень упорно пытался назначить меня кем-то другим.

Клэр смотрела на него несколько секунд, потом подняла руку и легко коснулась его плеча.

— Ты не обязан становиться тем, кем тебя пытались назначить, — сказала она тихо.

Он поднял глаза.

В ней всегда было это — простая, почти строгая ясность. Без красивых формулировок. Без громких обещаний. Она не пыталась вытаскивать его из старых ран, не говорила, что всё будет хорошо, не предлагала немедленного утешения. Просто называла вещь своим именем. И этим почему-то делала её менее всевластной.

— Я знаю, — сказал он.

Клэр задержала ладонь на его плече чуть дольше.

— Мне он в этом костюме не понравился, — сказала она.

Стивен сначала не понял, потом вдруг улыбнулся — по-

настоящему.

— Кто? Костюм?

— Нет. Тот человек, в которого он тебя пытался одеть.

Он посмотрел на неё внимательно. И эта внимательность всегда была чуть больной — не потому что в ней было недоверие, а потому что он до сих пор не привык, что его можно так точно чувствовать.

— А я? — спросил он тихо.

Клэр тоже улыбнулась, но совсем слабо.

— А ты мне нравишься в свитере с краской на рукаве и с видом человека, который опять забыл поесть. Это намного убедительнее.

Он засмеялся чуть слышно, опуская голову.

Тишина в комнате стала тёплой.

Клэр убрала костюм обратно в чехол, но не сразу повесила в шкаф. Ещё раз провела ладонью по ткани. Вещь была слишком правильной.

Это чувство ей не понравилось.

Она молча застегнула молнию и задвинула чехол в самую глубину шкафа, за коробки и старый плед, будто можно было спрятать не только ткань, но и саму чужую мысль, которая когда-то его сюда прислала.

Стивен стоял у окна с уже остывшим чаем в руках.

Снаружи в доме напротив кто-то закрыл шторы. Город жил своей обычной вечерней жизнью: посуда, телевизоры, редкие голоса, жёлтые квадраты окон.

И всё же после этой странной примерки в комнате осталось что-то почти неосоздаваемое, как след слишком точной руки на ещё не высохшей краске.

— Знаешь, что самое отвратительное? — сказал Стивен, всё ещё глядя в окно.

— Что?

— Он, наверное, считал это заботой.

Клэр подошла и встала рядом.

— Может быть.

— В этом и проблема.

Она не стала спрашивать, какая именно. Он и так знал, что она понимает.

Некоторые формы заботы были всего лишь контролем, научившимся говорить вежливо.

Клэр взяла у него кружку, поставила на подоконник и обняла его — спокойно, без резкости, как будто просто завершала движение, давно начатое ещё в тот момент, когда он вошёл в квартиру. Стивен сначала стоял неподвижно, потом всё-таки опустил подбородок ей на макушку.

Так они и замерли посреди комнаты — рядом с полуразобраным шкафом, коробками, старым пледом и спрятанным в темноту чехлом, в котором, как будто, ждал свой час чужой размер.

Глава 5. Последняя воля

Утро в соборе было серым.

Не мрачным даже — просто лишённым всякой щедрости. Свет сочился сквозь высокие окна тонкими, бледными пластинами, не достигая пола целиком, застревая где-то на камне, на деревянных спинках скамей, на лесах у стены. День начинался неохотно, будто сам не был уверен, стоит ли ему входить в это пространство, где и без него хватало старого времени.

Стивен стоял на платформе у фрески и работал молча. На узком столике рядом лежали кисти, ватные тампоны, склянки с растворителем, салфетки, скальпель. Чуть в стороне — красный огрызок карандаша, оставленный вчера Эзрой. Работа шла медленно, но уверенно. Слои за слоями стена начинала возвращать себе глубину, краски проступали из серого удушья свечной гари, как если бы кто-то, живший столетия назад, всё ещё не до конца уступил времени. В этом и заключалась вся суть — не победить распад, а выиграть у него хотя бы несколько лет, несколько линий, несколько взглядов.

Внизу, в боковом нефе, Эзра работал над витражом. Его присутствие почти не требовало подтверждения: оно ощущалось в тихом шорохе бумаги, в редком звоне стекла, в той особой собранной тишине, которая бывает только рядом с людьми, привыкшими делать руками что-то важное.

Стивен снова потянулся к стене.

И в этот момент слышал шаги.

Тихие, не выразительные, но слишком ровные, слишком выверенные для человека, который входит в собор как в собор. Это были не шаги пришедшего за свечой, не осторожные, чуть смущённые шаги редкого посетителя, не шарканье старика-служителя. В этих шагах не было ни почтения, ни неуверенности, ни даже элементарного любопытства к пространству. Только точность и привычка идти туда, где тебя должны пропустить.

Стивен замер.

Шаги приблизились, отразились от камня, поднялись под своды и затихли у самого входа в центральный неф.

Стивен опустил тампон и посмотрел вниз.

У подножия лесов стоял Харрис.

Даже здесь он выглядел чужеродно — так, будто его вынесли из стеклянного, климатически идеального пространства и по ошибке оставили среди камня, пыли и ладана. Идеальный тёмный костюм, галстук без единой складки, пальто, сидящее на плечах с той степенью правильности, которая уже перестаёт быть вкусом и становится системой. Лицо его, гладкое и собранное, казалось почти лишённым возраста. Ничего в нём не говорило о спешке, тревоге или человеческом дискомфорте. Он стоял, держа в руках тонкую папку.

Эзра поднял голову от верстака и посмотрел на него с плохо скрываемой неприязнью. Харрис этого будто не заметил

или сделал вид, что не заметил.

— Мистер Росс, — сказал он, поднимая взгляд к платформе. — Будьте добры, спуститесь.

Голос его прозвучал особенно плоско в церковной акустике. Ни малейшего колебания, ни мягкости. Словно сам собор, усилив эти слова, не смог придать им жизни.

Стивен положил тампон на край столика и начал спускаться. Лестница едва слышно отзывалась под его весом.

Когда он оказался внизу, Харрис уже ждал его в нескольких шагах. Слишком близко, чтобы казаться вежливым. Слишком далеко, чтобы это можно было счесть участием.

— Что Вы хотите? — спросил Стивен.

Он не стал говорить “здравствуйте”. В присутствии Харриса это слово всегда звучало бы как плохая шутка.

Харрис чуть наклонил голову — едва заметно, как человек, фиксирующий факт: вопрос задан сразу, без обходных манёвров.

— Ваш отец скончался сегодня ночью, — произнёс он. — Мы ожидали, что он успеет перенести своё сознание, как готовился последние годы. Но смерть опередила техническую готовность. А перенос сознания из мёртвого тела как вы знаете невозможен.

Собор вокруг не изменился. Свет остался таким же серым. Где-то на хорах еле слышно треснуло дерево. Эзра в дальнем нефе не пошевелился. И всё же в теле Стивена что-то коротко и глухо сместилось, как смещается внутри камень

под давлением воды — не заметно глазу, но необратимо.

Он не сразу понял, что именно не может уловить. Новость? Смысл? Собственную реакцию? Смерть Альберта казалась одновременно невероятной и давно уже вписанной в мироздание, как событие, которое невозможно представить вблизи, но всегда знаешь где-то на краю сознания.

— Когда? — спросил он после паузы.

— Сегодня ночью. В три двенадцать.

Харрис открыл папку и, не опуская взгляда, словно свежаясь скорее с внутренней необходимостью, чем с бумагой, добавил:

— Предварительная причина смерти — внезапный отказ органов. Официальное медицинское заключение будет оформлено позже, однако сомнений в характере произошедшего нет.

Отказ органов.

Фраза легла в воздух с той безличной точностью, которую Альберт, наверное, сам бы одобрил. Даже смерть его подавалась не как смерть человека, а как неисправность сложной системы. Что-то завершилось. Что-то перестало функционировать. Никакой плоти, никакой слабости, никакой унижительной человеческой подробности.

Стивен опустил взгляд.

Он не чувствовал острого удара, которого, возможно, следовало бы ждать. Не было ни внезапной скорби, ни облегчения, ни ярости. Только странная, почти стыдная пустота, как

если бы сама мысль о смерти отца не могла пройти в него напрямую и теперь стояла где-то в стороне, ожидая, когда он освободит для неё место.

Перед внутренним взглядом мелькнули отдельные, плохо связанные фрагменты: белый свет отцовского кабинета, тонкие пальцы на стеклянной панели; сухой профиль; голос, всегда умеющий сделать любое слово похожим на приговор. Два года молчания. Два года, в которые между ними не происходило ничего, кроме продолжения старого разрыва.

И всё же — отец.

Этого было достаточно, чтобы внутри остался тяжёлый, бесформенный осадок, которому пока не находилось названия.

— Ясно, — сказал он.

Харрис будто ждал именно этого короткого слова.

— Как единственный наследник, вы обязаны присутствовать на похоронах.

Стивен поднял на него глаза.

— Обязан?

— Да.

— Это формальность?

— Это необходимость.

— Для кого?

— Для всех, кто будет там.

Харрис сказал это ровно. Но именно в этом и заключалась его особая форма давления — он никогда не подталкивал

явно. Просто произносил вещи так, будто они уже стали частью реальности, а несогласие с ними выглядело не вызовом, а дурным вкусом.

— Церемония состоится завтра, — продолжил он. — В главном траурном зале Мемории. Будут члены совета директоров, государственные представители, партнёры, акционеры, пресса. Ваше отсутствие будет воспринято как заявление.

— Может быть, мне как раз нечего скрывать.

— Возможно. Но это не отменяет необходимости вашего присутствия.

Стивен почти усмехнулся. Не потому что ему было смешно. От усталости. От того, как даже смерть отца тут же превращалась в схему, порядок рассадки, политический сигнал.

— Вы пришли сообщить мне о смерти или вытащить меня на церемонию?

— И то, и другое.

Ответ прозвучал без тени неловкости.

Где-то в глубине нефа Эзра медленно положил стеклянный фрагмент на стол. Стивен не видел его лица, но чувствовал взгляд старика кожей.

— Ваш отец, — сказал Харрис после короткой паузы, — незадолго до смерти оставил специальное распоряжение в отношении вас.

Стивен сразу поднял голову.

— Какое распоряжение?

— Я смогу исполнить его только после похорон.

— Это приказал он?

— Да.

— И вы не можете сказать мне сейчас даже в общих чертах?

— Нет.

Стивен смотрел на него несколько секунд, почти не мигая.

— Не можете или не хотите?

— Не могу.

— Удивительно, как вы умеете произносить это слово так, будто в нём уже есть всё объяснение мира.

Харрис никак не отреагировал. Только чуть сильнее сжал пальцы на папке.

— Я всего лишь передаю волю вашего отца.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Эта фраза ударила сильнее предыдущих. В ней было всё, что Стивен ненавидел в Альберте больше всего: способность продолжать распоряжаться чужой жизнью даже за пределом своей. Как будто смерть и тут должна была отступить в сторону, чтобы не мешать его очередному плану.

Стивен отвернулся. Несколько секунд он смотрел на лестницу, ведущую обратно к платформе.

— Мне не о чем там говорить, — произнёс он тихо, не оборачиваясь. — Мы два года не разговаривали. Он не хотел меня видеть. Я не хотел видеть его. Почему все должны

делать вид, будто из этого можно собрать достойную сыновнюю скорбь?

Харрис ответил не сразу. И эта пауза, возможно, была единственным по-настоящему человеческим движением, которое Стивен когда-либо у него замечал.

— На похоронах не всегда присутствуют ради чувств, — сказал он. — Иногда — ради завершения.

Стивен медленно повернул голову.

— Завершения для кого?

— Для живых.

Тишина под сводами стала ещё плотнее.

Эта фраза, сказанная всё тем же ровным голосом, почему-то прозвучала честнее всего остального. Или, может быть, просто попала в ту часть Стивена, которая уже знала: не пойти — значит оставить всё в той же незавершённой, больной форме, в какой оно и было последние годы. Не месть, не победа, не освобождение — просто ещё один пустой пропуск между ним и человеком, которого он так и не сумел ни простить, ни окончательно отвергнуть.

Эзра кашлянул в глубине нефа. Не вмешиваясь, не приближаясь, но как будто напоминая, что разговор завершён и дальше всё равно останется только решение.

Стивен сделал вдох.

— Во сколько? — спросил он.

Харрис назвал время.

— Машина будет ждать вас утром у дома. И, мистер

Росс... — он чуть замедлил голос, будто подбирая степень официальности, которую ещё можно было не назвать холодом, — постарайтесь не опаздывать. Завтра многое будет зависеть от того, как вы появитесь.

Стивен почти улыбнулся. На этот раз действительно почти.

— Вы даже смерть умеете превращать в логистику.

— Я умею превращать хаос в порядок.

— Сомневаюсь, что это одно и то же.

Харрис закрыл папку. Его лицо осталось неизменным.

— До завтра, мистер Росс.

Он развернулся и пошёл к выходу. Те же точные шаги, тот же правильный ритм, то же ощущение человека, который и в храме движется так, будто всё пространство заранее выдано ему во временное пользование.

Дверь тяжело закрылась за ним.

Стивен стоял посреди нефа, глядя в пустоту перед собой. Смерть отца так и не обрела внутри окончательной формы. Она всё ещё была новостью, а не переживанием. Сухой строкой, не дошедшей до сердца. Может быть, не дошедшей вообще.

— Ну? — донёсся издалека голос Эзры.

Стивен обернулся.

Старик стоял у своего стола, положив ладони на край верстака. Вопрос был произнесён без любопытства. Скорее, как констатация: вот пришёл мир, которого ты избегал. Что те-

перь?

Стивен поднял взгляд к платформе, к фреске, к Серафиму, у которого из серой копоты уже проступал почти живой глаз.

— Похоже, завтра мне придётся оставить это — сказал он.

Эзра проследил за его взглядом.

— Работа подождёт.

— Не люблю прерывать на середине.

— Жизнь редко спрашивает, любишь ты это или нет.

Стивен медленно кивнул.

Он поднялся обратно по лестнице, собрал инструменты, аккуратно закрыл склянки, убрал использованные тампоны. Когда дошёл до края стола, взгляд его на секунду задержался на красном огрызке карандаша. Он взял его в руку, повертел между пальцами, потом положил обратно.

Серый свет всё ещё не менялся. День наконец начался, но так и не стал светлее.

А где-то за стенами собора, в другом, стеклянном, правильном мире уже начинала собираться церемония, на которой ему предстояло занять место, подготовленное задолго до того, как он сам согласился признать, что это место вообще существует.

Глава 6. Вечер

Дорога домой заняла меньше времени, чем обычно, но Стивен почти не заметил этого.

Город за окнами трамвая — или, скорее, его отражение в стекле — плыл мимо в серо-синем сумраке, не задерживаясь ни на секунду. Люди входили и выходили на остановках, кто-то кашлянул за его спиной, кто-то слишком громко смеялся в другой части вагона, на перекрёстке вспыхивали светофоры, мигали вывески, автобусы тяжело разворачивались на развязках. Всё было на месте. В этом и заключалось что-то почти оскорбительное.

Отец умер.

Эта фраза не звучала в нём как мысль. Не складывалась в осмысленное, острое переживание. Скорее стояла внутри глухой перегородкой, холодной и прямой, за которую нельзя было пока заглянуть целиком. Словно сознание приняло сам факт, но отложило всё остальное на потом, когда появится время или смелость разобрать, что именно теперь чувствовать.

Он сидел у окна, глядя не столько наружу, сколько в своё мутное отражение. Под глазами легли тени. На воротнике пальто осталась пыль от собора. Пальцы на правой руке всё ещё пахли слабым раствором и старой штукатуркой, несмотря на то что он машинально вымыл их перед уходом.

На секунду ему пришло в голову, что надо было остаться в соборе дольше. Под предлогом работы. Под каким угодно предлогом. Довести участок фрески до конца, разобрать инструменты тщательнее, помочь Эзре со стеклом, просто постоять под лестницей в тишине, где новость о смерти всё ещё не была бы до конца настоящей. Но Харрис уже всё сказал. И в соборе после его ухода стало невозможно оставаться так, как раньше. Чужой мир всё равно вошёл внутрь.

Когда Стивен поднялся к своей квартире, на лестничной площадке уже пахло жареным мясом, влажной шерстью и чьим-то ужином с большим количеством перца. Нормальный вечер в нормальном доме. Он остановился у двери, не сразу вставил ключ в замок.

Изнутри доносились приглушённые звуки: тихо работал чайник, едва слышно шуршала ткань, где-то в комнате что-то ставили на пол. Клэр была дома.

Эта мысль — не сама по себе, а её простота — вдруг оказалась единственной вещью за весь день, на которую можно было опереться.

Он открыл дверь.

Тёплый воздух дома сразу сомкнулся вокруг него, возвращая запахи, к которым он так привык, что обычно не замечал их: чай, чуть остывшая еда, пыль с книжных полок, какой-то лёгкий крем для рук Клэр, старое дерево комода. После каменной прохлады собора и стерильной точности Харриса всё это казалось почти хрупким.

Клэр вышла из комнаты почти сразу, будто уже по шагам поняла, что он вернулся.

— Ты рано, — сказала она и тут же замолчала.

На лице Стивена было что-то, чего ей хватило без объяснений.

Не бледность. Не слёзы. Не явный шок. Какое-то внутреннее смещение, будто одна из опор в нём вдруг ушла, но тело ещё не успело решить, как перестраивать равновесие.

— Что случилось? — спросила она уже тише.

Стивен снял пальто медленно, слишком внимательно повесил его на крючок, будто выиграл у себя несколько лишних секунд на это бессмысленное, точное движение. Потом посмотрел на неё.

— Харрис приходил в собор, — сказал он.

По её лицу пробежало быстрое, почти незаметное напряжение.

— Зачем?

Он не ответил сразу.

Клэр шагнула ближе.

— Стивен.

— Отец умер, — сказал он.

И только произнеся это вслух, услышал, как это звучит на самом деле. Не официальное “скончался”, не харрисовское “внезапный отказ органов”, не новость, а простая и грубая человеческая формула. Отец умер.

Клэр замерла. Не от потрясения — просто в том корот-

ком, плотном молчании, которое появляется, когда слова уже сказаны и мир ещё не успел их встроить в себя.

— Когда? — спросила она осторожно.

Стивен кивнул.

— Харрис сказал, — Сегодня, в три двенадцать ночи. Внезапный отказ органов.

Она смотрела на него внимательно, не пытаясь немедленно обнять, не засыпая вопросами. Это Стивен в ней любил особенно сильно: Клэр никогда не бросалась в чужую боль раньше, чем понимала, как к ней можно подойти, не сломав ещё больше.

Она взяла его за запястье и повела на кухню, как будто это было самым естественным продолжением вечера. Посадила на стул у стола, выключила чайник, налила ему воды, потом зачем-то переставила сахарницу чуть левее, хотя в этом не было никакой необходимости. Её движения были спокойными, размеренными, почти ритуальными. Не чтобы навести порядок на кухне — чтобы не дать новому факту расползтись по комнате слишком быстро.

Стивен взял стакан, но не отпил.

Клэр села напротив.

— Ты как? — спросила она наконец.

Он посмотрел на воду в стакане.

— Не знаю.

Это было честнее любого другого ответа.

— Я думал, если это когда-нибудь случится... — Он осёк-

ся. — Не знаю, что я думал. Что почувствую больше. Или меньше. Что станет проще. Или наоборот.

Клэр молчала, давая ему самому вытянуть мысль до конца.

— А сейчас у меня ощущение, будто мне сообщили о смерти какого-то механизма, который всё это время работал слишком громко, — сказал он тихо. — И я не понимаю, должен ли скорбеть, или просто констатировать, что шум прекратился.

Ему стало неловко от этих слов сразу после того, как он их произнёс. Не потому что они были жестокими. Потому что были слишком близки к правде.

Клэр опустила взгляд на стол.

— Это не делает тебя плохим человеком, — сказала она.

— Не делает хорошим тоже.

— И не должно.

Он поднял на неё глаза.

— Звучит очень этично.

— Я работаю с детьми, а не с ангелами, — сказала Клэр.

— И живу с тобой, а не с идеей о том, каким должен быть сын после смерти отца. Ты не обязан чувствовать что-то правильное по расписанию.

Стивен выдохнул чуть глубже.

Эта её способность не навязывать ему готовую форму переживания всегда действовала на него почти физически. Как если бы кто-то ослаблял слишком тугой воротник, который

он уже перестал замечать.

— Он велел мне прийти на похороны, — сказал он. — Вернее, не он. Харрис. Но, по сути, конечно, он.

Клэр сразу уловила главное.

— Ты не хочешь.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро, и Стивен сам это почувствовал.

Он провёл пальцами по краю стакана.

— Не потому что боюсь их всех, — добавил он. — Не только. Просто... это будет так фальшиво. Там соберутся люди, которые называли его визионером, архитектором будущего, спасителем, ещё кем-нибудь из их корпоративного пантеона. Будут стоять, делать правильные лица, говорить правильные слова. А я — что? Сын, с которым он два года не разговаривал? Сын, которого он считал человеком, добровольно растрачивающим себя не туда? Зачем мне быть там?

Клэр слушала, не отрывая взгляда.

— Харрис сказал, что отец оставил какое-то специальное распоряжение на мой счёт, — продолжил Стивен. — Но исполнить его можно только после похорон. Даже мёртвым он умудряется ставить условия.

— Это очень в его духе, — тихо сказала Клэр.

Стивен усмехнулся одними губами.

— Да.

На кухне было слышно, как где-то в соседней квартире

кто-то идёт по коридору, как на подоконнике постукивает редкий дождь, как тикают дешёвые настенные часы. Обычные звуки обычного вечера. Они не утешали, но и не давали утонуть в абстрактности новости.

Клэр встала, открыла шкафчик, достала чистую кружку и налила чай — ему, потом себе. Вернулась за стол и поставила кружку перед ним.

— Можно я скажу неприятную вещь? — спросила она.

Стивен пожал плечом.

— Обычно такие фразы не сулят ничего хорошего.

— Обычно нет.

Она несколько секунд держала ладони на кружке, собираясь с формулировкой.

— Мне кажется, тебе нужно пойти.

Он не ответил сразу. Только посмотрел на неё — внимательно, устало, уже заранее внутренне сжимаясь, потому что часть его и так знала, что она может сказать именно это.

— Почему?

Клэр не отвела взгляда.

— Не ради него. Не ради Харриса. Не ради их совета директоров, прессы или всех этих людей в дорогих костюмах. Ради себя.

Стивен молчал.

— Ты не ходил к нему. Он не приходил к тебе. Всё это висело между вами два года, — продолжила она. — Обида, злость, усталость, невозможность ничего исправить. И те-

перь уже действительно ничего не исправить. Но можно хотя бы перестать носить это как незакрытую дверь.

Он смотрел в стол.

— Думаешь, одна церемония что-то закроет?

— Нет, — сказала Клэр честно. — Не сразу. И не красиво. Но, может быть, это будет последняя точка, а не многоточие. Иногда человеку нужно не примирение. Просто факт, что глава закончилась.

Стивен медленно провёл ладонью по лицу. Эти слова заделали как раз то место, куда били все его сегодняшние мысли и всё не попадали. Завершение. Для живых. Харрис сказал почти то же самое, но из его уст это звучало как процедурная необходимость. Из уст Клэр — как правда, которую можно не любить, но трудно не признать.

— Я не хочу видеть их мир, — сказал он тихо.

— Я знаю.

— Не хочу надевать костюм. Не хочу, чтобы на меня смотрели как на продолжение его фамилии. Не хочу стоять там и думать, что все вокруг знали его лучше, чем я.

— Может быть, и не знали.

— Это ничего не меняет.

Клэр кивнула.

— Возможно. Но если ты не пойдёшь, это тоже ничего не изменит. Только оставит тебя на том же месте, на котором ты стоишь сейчас.

Он поднял глаза.

В её лице была спокойная твёрдость, с которой она говорила важные вещи детям в приюте или ему самому, когда знала: смягчать бессмысленно, но и ломать через колено не нужно.

— Ты боишься не похорон, — сказала она. — Ты боишься того, что после них не останется даже возможности когда-нибудь всё переиначить в голове. Потому что тогда это станет окончательно прошлым.

Стивен ничего не ответил. Потому что она опять была права.

Он и правда не боялся видеть мёртвого отца. Не боялся траурного зала. Не боялся совета директоров или чужих взглядов. Больше всего он боялся того, что после похорон между ним и Альбертом останется не открытая рана, а неподвижный, окончательный факт. Ничего уже нельзя будет доказать, исправить, отыграть, пересобрать в более удачную версию. Всё закончится в том виде, в каком было.

А это было почти невыносимо.

Клэр протянула руку через стол и накрыла его пальцы своими.

— Ты можешь ненавидеть его. Можешь не простить. Можешь не плакать. Всё это не делает тебя плохим сыном. Но если внутри тебя есть хоть какая-то часть, которой нужно поставить точку — иди и поставь её.

Он долго смотрел на их руки.

Потом наконец отпил чай. Тот уже начал остывать.

Некоторое время они сидели молча. За окном дождь стал чуть сильнее. В стекле отражался тёплый жёлтый свет кухни, их чашки, край стола, плечо Клэр, склонённое к нему чуть ближе, чем позволяло обычное расстояние между людьми.

Наконец Стивен выдохнул и сказал:

— Хорошо. Я пойду.

Клэр не улыбнулась победно, не сказала “вот и правильно”. Только чуть сильнее сжала его пальцы.

— Хорошо, — повторила она.

Он посмотрел на неё.

— Ты поедешь со мной?

Клэр покачала головой.

— Нет. Туда ты должен пойти сам.

Это было правильнее любого утешения.

Стивен кивнул. Потом встал, прошёл к окну и остановился, глядя вниз, на тёмный мокрый двор, на машины, на фонари, на чужие окна, за каждым из которых шла чья-то жизнь, ничуть не изменившаяся от того, что один из самых влиятельных людей города перестал дышать.

Он вдруг подумал, что, возможно, именно это и есть единственная справедливость смерти. Мир не умеет остановиться надолго даже перед теми, кто всю жизнь пытался держать его под контролем.

Клэр подошла сзади, но не обняла — просто встала рядом.

— Ты злишься? — спросила она.

Стивен подумал.

— Нет. Или да. Не знаю. Всё как будто вперемешку. Пусто, но тяжело.

— Это нормально.

— Удивительно, как часто всё самое страшное оказывается “нормально”.

— Нормально — не значит легко.

Он повернул голову и посмотрел на неё. В свете кухни её лицо казалось совсем спокойным, но в глазах уже жила та внимательная усталость, которая появлялась у неё всякий раз, когда она брала на себя чью-то тяжесть — не чтобы решить, а чтобы помочь донести.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что не делаешь из этого спектакль.

Клэр чуть склонила голову.

— Я оставляю спектакль Мемории.

Это было так в её духе, что он всё-таки улыбнулся — впервые за весь день почти по-настоящему.

Она увидела эту улыбку и тоже едва заметно смягчилась.

Они ещё немного постояли у окна, плечом к плечу, глядя на дождь. А потом Клэр сказала, что раз уж мир не рухнул, значит, ему всё-таки придётся поесть, и Стивен не стал спорить.

Ночью, уже лёжа в постели, он долго не мог уснуть.

Клэр дышала рядом ровно и тихо. За окном редкие машины шуршали по мокрому асфальту. А пока между сегодняш-

ним вечером и завтрашним утром оставалась одна короткая ночь — слишком маленькая, чтобы всё обдумать, и слишком длинная, чтобы ничего не чувствовать.

Глава 7. Красный след

Стивен проснулся раньше будильника.

В комнате было ещё темно. Не совсем ночной темнотой — мягкой, с редкими отблесками фонарей на потолке, размытым светом из окна и дыханием города за стеклом, — но утро ещё не вступило в свои права. Он лежал неподвижно, глядя в потолок, и несколько секунд не мог понять, откуда в теле это тяжёлое, ровное напряжение, будто кто-то всю ночь держал его изнутри собранным, не давая ни одной мысли расползтись до конца.

Потом вспомнил.

Сегодня похороны.

Эта мысль не ударила. Просто вернулась на своё место — туда, где уже со вчерашнего дня стояла неподвижно, как закрытая дверь, мимо которой всё равно придётся пройти.

Рядом тихо спала Клэр. Одеяло у неё сбилось к ногам, одна рука лежала поверх подушки, волосы рассыпались по прохладной тёмной прядью. Стивен повернул голову и несколько секунд просто смотрел на неё. В этом было что-то почти суеверное: хотелось запомнить её именно так — спящей, тёплой, живой, настоящей — прежде чем выйти в день, где всё будет слишком гладким, слишком холодным и слишком правильно организованным.

Он осторожно сел на край кровати, стараясь её не разбу-

дить.

Костюм висел в шкафу там, куда вчера его убрала Клэр. В глубине, за пледом и коробкой со старыми книгами. Стивен достал чехол и на секунду задержал в руках, прежде чем расстегнуть молнию.

Тёмная ткань блеснула в слабом утреннем свете.

Он всё ещё не любил эту вещь. Не ткань даже — саму идею. Вещь, присланную заранее, с презрительно-отеческой уверенностью, что однажды она всё-таки понадобится. Тогда, два года назад, костюм казался почти насмешкой: слишком большой, слишком жёсткий, слишком чужой. Вчера он уже сидел иначе. Сегодня Стивен не хотел проверять, насколько именно иначе, но выбора не оставалось.

Он оделся медленно. Белая рубашка. Брюки. Пиджак.

Ткань легла по плечам слишком спокойно. Не идеально — и всё же с той степенью совпадения, которая уже переставала быть случайностью и начинала походить на расчёт. В зеркале на дверце шкафа стоял человек, в котором Стивен узнавал себя только по глазам. Всё остальное будто уже было подправлено под чьи-то ожидания: фигура строже, движения суше, даже молчание в таком костюме выглядело иначе — не как задумчивость, а как сдержанная позиция.

Он застегнул пуговицу и сразу же расстегнул обратно. Не из-за неудобства. От внутреннего удушья.

— Тебе не идёт то, что слишком правильно сидит.

Вчера Клэр сказала это почти шутя, но фраза осталась.

Стивен подумал о ней сейчас с благодарностью. В ней было что-то спасительное — напоминание, что не всё, что подходит по форме, подходит по сути.

Дверь за спиной тихо скрипнула.

Клэр стояла в коридоре босиком, кутаясь в старый кардиган, всё ещё сонная, но уже собранная той мгновенной внутренней внимательностью, которая у неё всегда появлялась раньше окончательного пробуждения.

Она посмотрела на него — и взгляд её на мгновение задержался. Не потому что костюм был красив. Потому что в нём слишком ясно проступал кто-то, кем Стивен не был и не хотел быть.

Но она ничего не сказала об этом. Только подошла ближе и расправила воротник рубашки там, где он чуть подвернулся.

— Ты не позавтракаешь, если я не заставлю, да? — спросила она тихо.

— Скорее всего.

— Я так и думала.

На кухне она налила ему кофе, поставила тарелку с toastом, который он съел почти машинально, больше из подчинения её спокойной настойчивости, чем из чувства голода. Они почти не разговаривали. Слова в такое утро казались либо слишком тяжёлыми, либо лишними.

Когда внизу, у дома, остановилась машина, они оба услышали это сразу.

Стивен встал.

Клэр тоже поднялась, но не подошла слишком близко. Она была права вчера: туда он должен был пойти сам.

— Я не поеду с тобой, — сказала она, хотя он и так это знал.

Стивен только кивнул.

— Но, когда всё закончится, ты вернёшься домой. Не в собор, не в их башню. Домой.

Он посмотрел на неё. В утреннем свете её лицо казалось бледнее обычного, но голос был ровным.

— Хорошо, — сказал он.

Клэр коснулась его руки — только на секунду, пальцами у запястья. Не объятие. Не напутствие. Просто подтверждение, что в мире, из которого он сейчас выйдет, всё ещё остаётся одна не подменённая точка.

Потом Стивен спустился вниз.

Машина ждала у тротуара — длинная, тёмная, слишком гладкая для этого двора с мокрым асфальтом, мусорными баками у стены и бледными кустами под окнами. Водитель вышел, открыл заднюю дверь, кивнул без выражения лица. Всё было подготовлено так, будто он ехал не на похороны собственного отца, а на официальную встречу, где его просто нельзя было не предусмотреть.

Салон оказался почти беззвучным. Тёмная кожа, мягкий свет по краю панелей, глухая тишина хорошо настроенной машины, в которой даже город казался происходящим где-

то в другом измерении. Стивен сел, и дверь закрылась с коротким, окончательным щелчком.

Они тронулись.

Сначала ехали через знакомые кварталы. Старые дома, магазины у углов, остановки, где люди стояли, сутулясь от сырого утра, школьники с рюкзаками, спешащие курьеры, женщины с пакетами, дворник, сгребаящий мокрые листья в кучу, обречённо зная, что через час ветер всё разнесёт обратно. Обычная жизнь. Простая, шероховатая, беспорядочная. Именно такую Стивен всегда понимал лучше всего.

Потом улицы начали меняться.

Старый город отступал. Больше стекла, шире дороги, чище фасады, меньше случайных вывесок. Пространство становилось управляемым. Даже небо здесь как будто отражалось по-другому — не в лужах, а в вертикальных плоскостях дорогих зданий, и от этого утра в нём становилось меньше.

Стивен смотрел в окно и думал о том, как странно быстро чужой мир умеет поглощать человека, стоит только позволить отвезти себя в нужную сторону.

Они почти доехали до центрального квартала, когда машина замедлилась.

Сначала Стивен решил, что это пробка. Потом увидел впереди людей.

Их было не так много, чтобы назвать толпой, но достаточно, чтобы остановить движение на несколько секунд. Несколько фигур в серых и тёмных куртках, лица частично

закрыты шарфами и капюшонами, в руках — плакаты на грубом картоне. Никакой слаженной демонстративности, никакой театральности официальных митингов. Наоборот — в них была та рваная, живая собранность, которая говорит не об организованной акции, а о личной ярости.

Машина резко сбросила скорость.

Водитель что-то коротко сказал в гарнитуру.

Стивен успел различить на одном из плакатов слова: ВАШ РАЙ — ЭТО МОРГ.

Потом всё произошло быстро.

Один из людей шагнул ближе к дороге. Высокий, худой, с резкими движениями человека, давно привыкшего не ждать разрешения на собственную злость. Он замахнулся — и в лобовое стекло с влажным, тяжёлым ударом влетело что-то густое и красное.

Мир за окном исчез.

Стекло залило неровным багровым слоем. Краска потекла вниз плотными, тяжёлыми ручьями, собираясь в изломанные прожилки. На секунду Стивен не увидел ни улицы, ни людей, ни неба — только это красное, живое на вид марево, отделившее его от внешнего мира, как свежая кровь отрезает кожу от воздуха.

И именно это заставило его на мгновение замереть сильнее самого нападения.

Красный.

Не абстрактный цвет тревоги. Не политический символ.

Не просто акт уличной агрессии. Для него красный всегда был слишком многим сразу: киноварь на иконах, подмалёвок живой плоти, цвет святых ран, цвет внутреннего тепла под слоями древней копоти. Цвет, которым старые мастера отмечали жизнь там, где уже начиналось умирание.

Теперь этот цвет растёкся по стеклу машины, везущей его в “Меморию”.

Водитель выругался сквозь зубы и включил дворники. Щётки с мерзким скрипом размазали краску в стороны, превращая густой багрянец в мутные, рваные полосы. За ними снова начал проступать мир — и сразу ударил в глаза.

Крики.

Быстрое движение охраны.

Чьи-то руки, поднятые в воздух.

Один из людей на дороге — может быть, тот самый высокий — смотрел прямо на машину, будто видел Стивена сквозь стекло, сквозь размазанную красноту, сквозь сам этот чужой, дорогой, изолированный мир. В этом взгляде не было ни истерики, ни страха. Только сосредоточенная ненависть.

На асфальте, под колесами других машин, уже расплывался тот же красный символ — перечёркнутый круг, нарисованный в спешке, но с такой яростью, что линия казалась почти глубокой.

Водитель снова что-то сказал в гарнитуру.

Машина рванула вперёд.

Люди, стекло, плакаты остались позади. Но ощущение

удара — этого влажного, тяжёлого шлепка краски о лобовое стекло — почему-то не отпускало. Стивен сидел неподвижно, глядя на последние красные разводы, которые дворники ещё не успели дочистить, и вдруг подумал о том, что люди снаружи сейчас казались ему живее, чем те, кто ждали его внутри.

Пока машина неслась дальше, он понял ещё кое-что: “Пепел” существовал не как абстрактное слово на новостных полосах, не как фон чьих-то споров на кухне у друзей, а как настоящая, уличная, телесная злость. С криком в горле, с краской на руках, с готовностью встать перед дорогим капотом чужой системы и бросить в него свою версию крови.

Они въехали в центральный квартал.

Здесь всё уже было другим.

Дороги шире. Тротуары чище. Люди двигались быстрее и тише, будто даже время стоило дороже. Впереди, над другими зданиями, наконец поднялась Цитадель Мемории — длинный шпиль стекла и тёмного металла, уходящий в бледное небо так высоко, что в утреннем свете терялся верхний край. Здание не казалось красивым. Скорее безупречно рассчитанным. Как вещь, созданная не для того, чтобы на неё смотрели с восхищением, а для того, чтобы рядом с ней любой человек автоматически чувствовал свой настоящий масштаб.

Машина скользнула под арку основного входа и остановилась.

Стивен вышел наружу и сразу почувствовал разницу в воздухе. Здесь пахло не городом. Не дождём, не бензином, не мокрым камнем. Здесь пахло системой вентиляции, стеклом, полированным металлом и дорогой стерильностью — той, в которой уже заранее нет места ничему случайному.

Перед ним поднимались ступени.

За стеклянными дверями ждали люди в тёмном, охрана, мягкий свет и пространство, где сегодня будут прощаться не с человеком, а с фигурой, вокруг которой слишком долго строили миф.

Стивен поднял взгляд на фасад.

Красная краска на стекле машины уже осталась позади. Но внутри, где-то под рёбрами, всё ещё жила та короткая, почти стыдная мысль: иногда один брошенный в стекло цвет говорит о мире больше, чем вся архитектура власти.

Он сделал шаг вперёд.

И вошёл в Меморию.

Глава 8. Ледяная память

Траурный зал Мемории оказался не таким, каким Стивен представлял его ночью.

Он ожидал чего-то величественного, тяжёлого, почти сакрального — пространства, которое старается подражать храму, но делает это слишком дорого и слишком холодно. Реальность оказалась хуже. Зал не притворялся священным. Он был просто безупречен.

Свет здесь не лился сверху, как в соборе, не дробился в пыли, не ложился на поверхности с естественной неровностью утра. Он существовал сразу и везде — белый, мягкий, математически равномерный, выверенный так, чтобы не давать тени стать слишком тёмными и не позволять лицам выпадать из красивой, управляемой реальности. Пол из тёмного полированного камня отражал людей размыто, как если бы уже заранее учил их быть чуть менее материальными. Воздух был прохладным и сухим, пах не смертью, не воском, не тканью, а озоном и чистотой, у которой не было истории.

Стивен замедлил шаг, едва войдя.

Перед ним распахивалось огромное пространство, в центре которого, на чуть приподнятом постаменте, стояла прозрачная капсула. Вокруг неё уже собирались люди. Мужчины в тёмных костюмах, женщины в траурно-сдержанных платьях, лица, которые он знал по новостям, по деловым из-

даниям, по случайным статьям о “тех, кто меняет будущее”. Все говорили вполголоса, но даже их шёпот казался здесь частью общего протокола, а не естественным человеческим звуком.

Никто не плакал. Это он отметил сразу.

Не потому что скорбь обязана быть громкой. Просто здесь не было ни малейшего следа того беспорядка, который оставляет за собой реальная потеря. Никто не казался распавшимся. Не было красных глаз, сбившегося дыхания, скомканных платков в руке, неловкости живых перед мёртвым. Только вежливое, дорогое, хорошо собранное горе людей, привыкших существовать на публике.

Харрис появился рядом почти бесшумно.

— Мистер Росс, — произнёс он тихо. — Прошу.

Стивен не ответил. Харрис и не ждал. Он просто слегка повёл рукой, указывая место в первом ряду — ближе к постаменту, чем хотелось бы, ближе к телу, чем Стивен был готов.

Пока он шёл туда, на него смотрели.

Не все открыто. Кто-то едва заметно поворачивал голову, кто-то только задерживал взгляд на долю секунды, кто-то скользил по нему профессионально-равнодушно, как сканер по объекту. Но Стивен чувствовал это почти физически: вот он, сын Альберта Росса. Наследник. Ошибка в системе.

Костюм сидел на нём слишком правильно. Он чувствовал это каждым движением плеч, каждой складкой ткани на

локте. В соборе эта вещь казалась чужой. Здесь — слишком уместной. От этого становилось только хуже.

Он занял своё место в первом ряду и впервые по-настоящему посмотрел на капсулу.

Альберт лежал в ней так, будто не умер, а просто согласился на ещё один технологический эксперимент с собственным участием. Прозрачный композит чуть матово ловил свет, по краям капсулы шёл холодный белый контур, внутри медленно клубилась бледная дымка охлаждающего газа. Лицо отца казалось спокойным — даже не умиротворённым, а именно спокойным, как у человека, которого и смерть не посмела застать врасплох. Тонкие губы, сухая линия скул, закрытые глаза, на которые Стивен почему-то не мог смотреть дольше пары секунд.

Он вдруг очень ясно вспомнил, как в детстве боялся этих глаз, когда они были открыты. Не крика, не наказания — самого взгляда. Того, как Альберт умел смотреть на него с разочарованием, холодно, почти научно, словно уже в маленьком сыне видел не ребёнка, а проект с дефектом.

Стивен сидел неподвижно, глядя на капсулу, и думал о том, что эта прозрачная стена между ними, такая идеально буквальная, на самом деле существовала всегда. Просто раньше у неё не было физической формы.

Люди продолжали занимать места. Двери зала закрылись мягко, почти беззвучно. Свет чуть изменился — стал ещё ровнее, ещё торжественнее, как будто сам воздух перешёл в

церемониальный режим.

На трибуну поднялся первый оратор.

Он говорил хорошо. Слишком хорошо. Слова текли гладко, без единого сбоя: визионер, эпоха, бесстрашие перед будущим, человечество в долгу, новый уровень понимания жизни и смерти. Стивен почти не слушал. Точнее, слышал каждое слово, но ни одно не входило глубже слуха. Всё это было не про отца. Это было про фигуру, которую люди давно вылепили вокруг него и теперь не собирались отдавать даже мёртвому телу.

Следом выступил кто-то из совета директоров. Потом государственный чиновник. Потом женщина, представлявшая не то международный консорциум, не то фонд. Все говорили разными голосами, но по одному протоколу. Как будто им выдали не только общую тему, но и общую глубину переживания.

С уходом Альберта Росса мир потерял...

Никто не мыслил шире...

Он открыл дорогу...

Он научил человечество иначе смотреть на...

Стивен сидел, чуть согнув пальцы на коленях, и чувствовал, как реальность расслаивается.

Одна её часть была здесь: стекло, белый свет, ровный голос очередного оратора, холод от системы охлаждения, едва различимый через пространство зала.

Другая возвращала его назад, в отдельные, ничем не свя-

занные сцены, всплывающие с той особой беспощадностью, с какой память приходит в моменты, когда официальная версия происходящего слишком громко пытается вытеснить правду.

Один вечер. Ему было, может быть, шестнадцать. Он принёс отцу первую серьёзную работу — не школьную, не случайный рисунок, а аккуратную копию старой фресковой детали, которую делал по фотографии несколько недель. Хотел показать. Не за похвалой даже — за признанием. За простым взглядом, в котором не будет немедленного разочарования.

Альберт посмотрел тогда на лист дольше обычного. Это уже казалось надеждой. Потом сказал:

— У тебя есть глаз. Жаль, что ты собираешься потратить его на мёртвое.

Не крик. Не насмешка. Гораздо хуже — почти спокойное сожаление человека, которому досадно наблюдать неудачное распределение ресурса.

Стивен тогда ничего не ответил. Взял работу и ушёл. Но именно после того вечера впервые понял: отец не просто не одобряет его выбор. Он по-настоящему не признаёт ценность того, чем тот собирается жить.

Следующий голос в зале произносил что-то про нравственное мужество.

Стивен опустил глаза.

Ещё один фрагмент всплыл в его памяти.

Колледж. День, когда он сказал Альберту, что поступает

на реставрацию. Отец даже не стал спорить в обычном смысле. Он слушал, слегка склонив голову, будто давая Стивену договорить необходимую, но не слишком важную часть формальности. Потом спросил:

— Ты правда хочешь посвятить жизнь сохранению того, что должно было исчезнуть само?

И в этом вопросе уже содержалось всё. Не просто несогласие. Презрение к самой идее спасать что-то хрупкое, старое, несовершенное — вместо того чтобы строить новое, чистое, управляемое.

Стивен помнил и последнюю их ссору. Клэр тогда стояла рядом с ним, слишком прямая, слишком живая, не умеющая подстраиваться под чужое высокомерие. Он привёл её, сам не до конца понимая зачем. Наверное, всё ещё надеялся, что при ней отец будет человечнее. Это была глупая надежда.

Альберт посмотрел на Клэр ровно тем же оценивающим взглядом, каким когда-то смотрел на его рисунок.

— Ты окружаешь себя не теми людьми, — сказал он сыну, как будто её не было рядом. — Но, полагаю, в твоей нынешней жизни это уже закономерность.

Клэр потом не плакала. Не жаловалась. Только долго молчала по дороге домой. И именно это молчание до сих пор сидело в Стивене занозой сильнее любой открытой сцены.

Он поднял взгляд на капсулу.

Отец лежал неподвижно, окончательно недоступный ни упрёку, ни ответу, ни позднему пониманию. Между ними

так и не произошло ничего, что можно было бы назвать примирением. Даже ненависти настоящей не вышло — только старая, выцветшая смесь боли, злости, стыда и той детской, неубиваемой части, которая всё равно когда-то хотела быть увиденной.

— А теперь, — произнёс Харрис, поднимаясь к трибуне, — прежде чем мы завершим официальную часть, вам будет показано последнее обращение Альберта Росса.

Зал почти не шевельнулся, но внимание в нём изменилось сразу. Это чувствовалось кожей: люди выпрямились, затихли, кто-то чуть подался вперёд. Не скорбящие. Аудитория перед финальным выходом главной фигуры.

Свет в центре зала приглушился.

На секунду всё пространство стало мягче, глубже, и именно в этой секунде Стивен почувствовал, как внутри него что-то сжимается. Не страх. Предчувствие знакомого вторжения.

Потом из воздуха над постаментом поднялись тонкие золотистые линии. Они сошлись, сплелись, начали собираться в человеческую форму — сначала схематично, потом всё плотнее, точнее, пока в центре зала не возник Альберт.

Не мёртвый.

Живой ровно настолько, насколько это мог позволить свет.

Он выглядел чуть моложе, чем сейчас, собраннее, резче, почти как в те годы, когда Стивен ещё был ребёнком и думал, что отец просто слишком умён для обычной челове-

ской теплоты. Голограмма стояла, заложив руки за спину, и смотрела в зал с тем спокойным, безошибочным контролем, который в нём всегда был страшнее любых вспышек раздражения.

Зал замер.

Клэр была права. Спектакль начался, — подумал Стивен. — Если вы это видите, — произнёс Альберт, и голос его прозвучал так чисто, так безупречно знакомо, что по спине Стивена прошёл холод, — значит, я действительно умер.

В зале не было слышно ни шороха.

— Меня называли гением. Безумцем. Архитектором нового мира. Все эти определения по-своему льстивы, но, как это часто бывает, не слишком точны. Я никогда не стремился победить смерть в романтическом смысле этого слова. Романтика — слишком слабый инструмент для серьёзной работы.

В первых рядах кто-то коротко усмехнулся почти благоговейно.

Альберт продолжил:

— Меня интересовало другое. Почему человек может помнить запах дерева через сорок лет после детства, но не способен объяснить, почему этот запах заставляет его замолчать. Почему простая пауза в голосе любимого значит для нас больше, чем тысячи логически безупречных фраз. Почему сознание, столь плохо устроенное с точки зрения эффективности, всё же остаётся единственной по-настоящему

ценной формой организации материи.

Стивен не отрывал от него глаз.

Эти слова были опасны именно своей правдоподобностью. Альберт всегда умел формулировать так, что в первые секунды его хотелось не опровергать, а дослушивать.

— Мемория никогда не была лишь корпорацией, — сказал голографический Альберт. — И уж тем более не была просто услугой. Это попытка удержать человеческое присутствие на том краю, где оно веками обрывалось слишком рано. Мы не отменили смерть. Мы сделали её менее слепой.

В зале кто-то едва слышно выдохнул.

Стивен почувствовал, как внутри у него шевельнулось что-то почти злое. Не потому, что речь была ложью — напротив, потому что в ней слишком искусно были переплетены истина, амбиция и соблазн.

Альберт сделал шаг вперёд. Свет чуть изменился вместе с ним, как будто пространство подстраивалось.

— Я знаю, что среди вас есть те, кто продолжит моё дело. Те, кто понимает: человечество нуждается не в утешительных сказках, а в следующей ступени зрелости. Не в страхе перед концом, а в смелости посмотреть ему в лицо и всё-таки не отступить.

Здесь, на этих словах, Стивен вдруг очень остро почувствовал, что речь обращена не только к залу.

Нечто в манере паузы, в едва заметном повороте головы, в ритме следующих слов сказало ему это ещё до того, как

разум успел оформить мысль.

— И я надеюсь, — продолжил Альберт, — что мой сын тоже когда-нибудь поймёт: сохранять то, что ценно, можно по-разному. Иногда — очищая старую поверхность от копоти. А иногда — создавая форму, которой хватит сил пережить само время.

Это было сказано с достаточной степенью общности, чтобы никто в зале, кроме него, не уловил личного смысла. Но Стивен услышал. Услышал не только слова — старый, знакомый способ вторгаться в его выбор, переопределять его язык, присваивать даже его ремесло, делая из него метафору для собственных планов.

На миг ему показалось, что голограмма смотрит прямо на него.

— Будущее не принадлежит тем, кто боится утраты, — сказал Альберт. — Оно принадлежит тем, кто решается удержать ценное любой ценой.

Свет вокруг фигуры дрогнул, потом стал ярче.

— Спасибо.

И голограмма исчезла.

Не растворилась красиво. Просто перестала быть — так быстро, что зал ещё секунду хранил её присутствие по инерции, как сетчатка хранит вспышку после слишком яркого света.

Потом раздались аплодисменты.

Сначала редкие, сдержанные, почти церемониальные. По-

том шире, увереннее, как будто люди не могли позволить себе оставить последнюю речь Альберта Росса без той формы признания, которую считали достойной его масштаба.

Стивен не поднял рук.

Он сидел неподвижно и смотрел в пустое место над капсулой, где только что стоял отец — световая копия, говорившая всё тем же голосом, всё той же безупречной логикой, всё с тем же талантом превращать вторжение в дар.

И впервые за всё утро Стивен почувствовал что-то ясное. Холод.

Холод узнавания: отец даже после смерти не перестал быть силой, которая собирается говорить с миром последним словом. И, возможно, с ним — тоже.

Аплодисменты стихали медленно.

Люди в зале поднимались, переглядывались, обменивались короткими репликами. Кто-то уже тянулся к коммуникатору, чтобы зафиксировать впечатление, пока оно ещё горячо. Кто-то смотрел на капсулу с тем благоговейным выражением, которое возникает не перед смертью, а перед хорошо поставленным финалом.

Стивен встал только тогда, когда понял: оставаться сидеть дольше — значит тоже играть по чьей-то сцене.

Он поднялся, не глядя ни на Харриса, ни на капсулу, ни на тех, кто уже поворачивал к нему головы с новой внимательностью. Потому что теперь он был не просто сыном покойного. Он был тем, к кому после этой речи неизбежно начнут

примеряться как к продолжению.

И именно это делало воздух зала по-настоящему ледяным.

Глава 9. Ключ к мёртвому

После церемонии зал пустел медленно.

Люди не расходились сразу, как после обычных похорон. Они перераспределялись по пространству — собирались в небольшие группы, обменивались тихими репликами, короткими рукопожатиями, оценивающими взглядами, уже почти рабочими интонациями. Даже скорбь здесь не заканчивалась, а переходила в следующий режим — в режим обсуждения последствий, наследия, позиций, баланса влияния. Смерть Альберта Росса не остановила этот мир ни на минуту. Только заставила его на секунду выпрямиться, а потом снова включить расчёт.

Стивен стоял чуть в стороне от основного потока людей, у высокого стеклянного простенка, за которым открывался вид на нижний уровень атриума. Отсюда траурный зал казался ещё холоднее — как идеально спроектированная камера для правильного прощания, где всё, включая скорбь, должно было быть подчинено хорошему вкусу и контролю.

Он не понимал, сколько прошло времени с момента исчезновения голограммы Альберта. Десять минут. Двадцать. Может, меньше. Внутренние часы после похорон сбились. Всё вокруг казалось одновременно слишком медленным и слишком плотным.

Голограмма всё ещё стояла у него перед глазами.

Не визуально даже — смыслом. Тем, как ловко отец и после смерти сумел встроить себя в центр комнаты, в центр туалета, в центр внимания, в центр будущего разговора о себе самом. И хуже всего было не это. Хуже было то, что речь работала. Люди в зале не просто слушали — они принимали её как завещание, как программу, как моральное оправдание всего, что может быть дальше.

А в одной фразе, почти не заметной для остальных, Альберт успел вторгнуться и в его язык тоже. Присвоить даже реставрацию. Даже его способ думать о мире.

Стивен стоял неподвижно, и только пальцы на правой руке время от времени сжимались сами собой, как будто телу было нужно хоть какое-то простое, понятное действие.

— Мистер Росс.

Харрис подошёл так тихо, что Стивен не сразу заметил его присутствие рядом. Всё тот же костюм, всё та же точная осанка, всё то же лицо человека, который, кажется, не знал усталости даже после смерти собственного работодателя. Или не считал нужным её демонстрировать.

Стивен повернул голову.

— Что ещё?

Харрис не ответил сразу. В руках у него был небольшой кейс.

Матовый, чёрный, с едва заметным металлическим отблеском по краям. Не дипломат и не обычный контейнер для документов — скорее вещь из той категории предметов,

которые специально создают так, чтобы они выглядели одновременно дорого и опасно. Никаких логотипов. Никакой маркировки. Только идеально гладкая поверхность и узкая биометрическая панель на верхней грани.

— Это для вас, — сказал Харрис.

Стивен посмотрел на кейс, но не взял.

— То самое распоряжение?

— Часть его.

— А другая часть?

— Внутри.

Это было бы почти смешно, если бы не звучало так привычно по-альбертовски.

Харрис протянул кейс вперёд.

— Ваш отец распорядился передать его вам лично после церемонии. Никаких посредников. Никакой доставки. Никакого предварительного вскрытия.

Стивен взял кейс. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Не очень — ровно настолько, чтобы внутри ощущалось нечто плотное, собранное, заранее упакованное под одну-единственную функцию.

— И что там?

— Мне неизвестно.

Стивен бросил на него короткий взгляд.

— Вы врёте лучше, чем большинство людей дышит.

— В данном случае — нет.

Харрис сказал это спокойно, без оскорблённого достоин-

ства. Либо действительно не знал, либо был слишком хорош, чтобы по голосу можно было различить разницу.

Стивен провёл большим пальцем по краю кейса и остановился у тёмной панели.

— Код?

— Не понадобится.

— Тогда что?

— Ваше ДНК.

Эта фраза прозвучала так буднично, будто речь шла о ключе от почтового ящика.

Стивен поднял глаза.

— Что значит “моё ДНК”?

Харрис чуть повернул кейс, указывая на биометрический сегмент.

— Доступ настроен исключительно на вас. Распознавание по крови и тканевому образцу. Откроется только в ваших руках. При любой попытке взлома, механического повреждения или вскрытия третьим лицом сработает система уничтожения содержимого.

— Уничтожения содержимого?

— И корпуса.

Стивен смотрел на него несколько секунд.

— То есть он оставил мне подарок, который взорвётся, если его попробует открыть кто-то другой?

— Слово “взорвётся” не вполне точно, — заметил Харрис.

— Но по сути — да.

Стивен опустил взгляд на кейс.

И вот теперь он почувствовал это особенно ясно: отец не просто оставил после себя загадку. Он запечатал для него личную камеру продолжения. Настроил механизм так, чтобы тот ждал только одного человека. Не семьи. Не совета директоров. Не преемника по должности. Сына.

Неожиданно захотелось просто поставить кейс на ближайший пол и уйти. Оставить его в этом белом, стеклянном мире навсегда, как оставляют подозрительный предмет там, где он уже принадлежит интерьеру.

Но ладони не разжались.

— Когда он это подготовил? — спросил Стивен.

— Не знаю точно. Несколько месяцев назад, возможно раньше.

Значит, Альберт не просто думал о смерти. Он методично проектировал её последствия. Стивен усмехнулся без радости.

— Даже мёртвым он не может просто оставить меня в покое.

— Возможно, он считал иначе, — сказал Харрис.

— Вы сейчас защищаете его?

— Я передаю факт.

Стивен кивнул. С этим спорить было бессмысленно. Харрис действительно всю жизнь существовал в странной зоне между преданностью и служебной безличностью, где человеческая оценка была либо не нужна, либо считалась профес-

сиональной помехой.

— Что я должен с этим делать? — спросил он, слегка приподнимая кейс.

— Открыть.

— Сегодня?

— Как сочтёте нужным.

— Но вы предпочли бы — сегодня.

Харрис чуть помедлил.

— Я предпочёл бы, чтобы вы не откладывали без необходимости то, что ваш отец явно считал важным.

Стивен взглянул на него снова.

— Вы умеете говорить так, что даже рекомендация звучит как скрытый приказ.

— Долгая практика.

На этот раз в голосе Харриса мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее усталость. Или это Стивен просто хотел её услышать.

Вокруг них люди продолжали тихо двигаться, переговариваться, уходить. Для всех остальных церемония уже заканчивалась. Для него — только начиналась по-настоящему.

— Машина ждёт вас внизу, — сказал Харрис. — Она отвезёт вас домой.

— Как заботливо.

— Это вопрос безопасности.

Стивен опустил взгляд на кейс.

Да, конечно. Безопасности. Чтобы содержимое не сгорело

раньше времени. Чтобы сын точно добрался до нужной комнаты, до нужного стола, до нужного момента, когда кровь коснётся панели.

— Передайте совету директоров мои соболезнования, — сказал он сухо.

Харрис ничего на это не ответил.

Они вместе вышли из зала. Точнее, Харрис шёл рядом, но так, что присутствие его ощущалось не как сопровождение, а как продолжение протокола. Они прошли по длинному коридору, где стены из молочного стекла скрывали людей и помещения лучше любой непрозрачности. Лифт спустил их на нижний уровень почти беззвучно. Охрана у выхода посмотрела на Стивена и на кейс с тем едва заметным вниманием, которое появляется у людей, знающих, что сейчас перед ними передают не просто вещь, а звено чьего-то плана.

У главного выхода Харрис остановился.

— Всего доброго, мистер Росс.

Стивен посмотрел на него.

— Сомневаюсь, что вы вообще верите в категорию “доброе”.

— Сегодня — меньше, чем обычно, — сказал Харрис.

И если это была попытка человечности, то едва заметная. Но всё же достаточная, чтобы Стивен на секунду растерялся.

Потом двери за его спиной открылись, и он вышел на улицу.

После стерильного воздуха Мемории город показался по-

что грубым.

Сырым. Шумным. Настоящим.

Машина ждала у ступеней, но Стивен вдруг понял, что не может сразу снова сесть в этот мягкий, изолированный кокон на колёсах. Не после зала. Не после голограммы. Не с этим кейсом в руках.

— Я пройду, — сказал он водителю.

Тот открыл было рот, чтобы возразить, но, видимо, получил инструкции не спорить с наследником напрямую. Только коротко кивнул и отошёл к машине, оставшись в радиусе видимости.

Стивен пошёл вдоль квартала, держа кейс в левой руке.

Небо над городом было бледным, почти белым. Ветер нёс мелкую влагу, оседающую на воротнике и ресницах. Люди шли мимо — кто-то быстро, кто-то, разговаривая по коммуникатору, кто-то с пакетом, кто-то с кофе, кто-то вообще никуда не спеша. Для них этот день был обычным рабочим днём. Мемория стояла над улицами своей стеклянной иглой, как всегда. Альберт умер, но его башня не дала ни одной трещины.

Стивен шёл без направления, просто чтобы отдалиться от входа, от лестниц, от холодного света, от ощущения, что стены ещё смотрят ему в спину.

Через два квартала он увидел толпу.

Небольшую, рваную, уже начинающую расходиться. Люди стояли на противоположной стороне улицы, кто-то сни-

мал на телефон, кто-то спорил, кто-то просто смотрел вверх. Стивен замедлил шаг и тоже поднял голову.

На фасаде здания через дорогу висел гигантский рекламный экран Мемории — один из тех, где обычно крутили их идеально вылизанные ролики: счастливые лица, светлые комнаты, тихие голоса, обещания продолжения, безопасности, будущего. Сейчас экран был мёртв.

Точнее — не совсем.

Правая часть ещё мерцала голубовато-белым шумом, но левая почернела, и по всей поверхности шли трещины, словно кто-то ударил в неё изнутри. Ниже, на стеклянной облицовке фасада, тянулись свежие следы копоты. Один из верхних углов рекламной панели был вырван наружу, и из него торчали искорёженные металлические рёбра. Недавний взрыв. Небольшой, точечный, рассчитанный не на массовую гибель, а на знак.

На чёрной мёртвой части экрана кто-то успел оставить краской два слова.

НЕ ПАМЯТЬ.

Буквы стекали вниз тёмными, почти бордовыми подтёками.

Стивен остановился.

Рядом кто-то говорил:

— Это “Пепел”. Сто процентов.

— Днём, совсем с ума сошли.

— Хорошо ещё, что без жертв.

— Без жертв сегодня, а завтра что?

— Они говорят, Мемория ворует мёртвых.

— Психи.

— Или нет.

Голоса шли мимо него, не задерживаясь.

Стивен смотрел на разрушенный экран и думал о странной точности этого удара. Не по людям — по образу. По фасаду. По обещанию. По красивой поверхности, за которой слишком многое скрыто.

Кейс в руке вдруг показался тяжелее.

Теперь личная линия и внешняя впервые легли рядом почти без зазора:

в одной руке — то, что отец приготовил только ему;

перед глазами — то, что город уже начал делать с Меморией открыто.

Он не знал, что именно внутри кейса. Не знал, хотел ли знать. Но в этот момент особенно ясно почувствовал: всё вокруг будто сжимается к одной точке, а он сам стоит в самом её центре, ещё не соглашаясь этого признать.

Ветер донёс запах горелого пластика.

Где-то коротко завывла сирена.

На секунду ему очень захотелось вернуться в собор. Подняться на платформу, взять тампон, увидеть, как из-под копоты снова проступает бирюза на глазу Серафима. Сделать что-нибудь, что имеет понятную границу: вот грязь, вот краска, вот осторожная рука, вот спасённый фрагмент. Без

загадок. Без завещаний. Без наследства, которое запирается на собственной крови.

Но вместо этого он стоял на улице с чужим кейсом в руке и смотрел на разбитый экран, где большими мокрыми буквами было написано то, что всё ещё не укладывалось в нём самом. не память.

Машина медленно подъехала ближе.

Водитель вышел, открыл заднюю дверь.

На этот раз Стивен не стал спорить. Сел внутрь, положил кейс рядом на сиденье и только тогда понял, что всё время держал его слишком крепко — пальцы на руке побелели.

Дверь закрылась.

Город снова остался за стеклом.

Кейс лежал рядом — гладкий, матовый, безмолвный. Вещь, которая не была ни утешением, ни наследством в человеческом смысле. Скорее продолжением чьей-то воли, пережившей собственное тело и теперь терпеливо ожидающей, когда её впустят дальше.

Машина тронулась.

Стивен отвернулся к окну и понял, что боится не взрыва, не содержимого, не даже самого имени Альберта внутри возможного послания.

Он боялся того, что кейс откроется.

И что отец, как всегда, уже всё предусмотрел.

Глава 10. Внутренний доступ

Когда Стивен вернулся домой, за окнами уже окончательно стемнело.

Вечер не был поздним, но город за стеклом выглядел так, будто прожил гораздо больше часов, чем успел по календарю. Мокрый асфальт отражал фонари длинными рваными полосами, машины тянули свет по улице, в окнах напротив уже зажглись жёлтые прямоугольники чужих кухонь, гостиных, чужих обычных жизней. В этом было что-то почти обидное: день, в котором он стоял перед телом отца и слушал, как его мёртвый голос снова заполняет зал, для всех остальных заканчивался как любой другой.

Кейс он держал в левой руке всю дорогу от машины до подъезда и только на лестнице понял, что пальцы устали от напряжения. Не от веса. От самого факта, что вещь всё ещё при нём.

Клэр открыла ему почти сразу, будто стояла за дверью и ждала не звонка, а именно его шагов.

Несколько секунд она просто смотрела на него. На лицо. На костюм. На кейс.

Не спросила сразу, как прошло. И именно за это Стивен в тот момент был ей почти благодарен до боли.

— Заходи.

Он вошёл. Тёплый воздух квартиры сомкнулся вокруг

него так же, как вчера, но сегодня это ощущалось иначе — не как возвращение в знакомое пространство, а как попытка удержать границу. Будто дом всё ещё был домом, но вместе с ним через порог уже внесли нечто чужое, слишком гладкое и слишком заранее продуманное.

Клэр взяла у него пальто. Он не сразу отдал кейс. Тогда она посмотрела на него внимательнее.

— Это он? — спросила она тихо.

Стивен кивнул.

— Харрис передал после церемонии. По распоряжению отца.

Клэр опустила взгляд на матовую чёрную поверхность.

— И ты всё это время носил его с собой?

— Да.

Они прошли в комнату. Свет был мягкий, неяркий — одна лампа у дивана, жёлтый круг на столе, тень от книжной полки. На кухне что-то тихо кипело, в батарее под окном редкими щелчками жил металл. Обычный вечер. И именно поэтому кейс на столе выглядел особенно неправильно: антрацитово-чёрный, замкнутый, слишком не из этого мира.

Стивен сел, но не сразу отпустил ручку. Потом всё же поставил кейс перед собой.

Клэр опустилась напротив.

— Ты хочешь открыть его сейчас? — спросила она.

Он долго смотрел на биометрическую панель, узкую, тёмную, без единой лишней детали.

— Нет, — сказал он честно. — Но, кажется, хочу ещё меньше оставлять его закрытым.

Клэр чуть кивнула, принимая этот ответ как единственно возможный.

— Харрис объяснил, как это работает?

— Только в общих чертах. Доступ настроен на моё ДНК. Для всех остальных — уничтожение содержимого и корпуса.

— Уничтожение?

— Да.

Она перевела взгляд на кейс ещё раз, уже с той лёгкой насторожённости, с какой смотрят не на предмет, а на чужую волю, спрятанную внутри предмета.

— Нормальное наследство у вас в семье, — сказала она.

Стивен усмехнулся одними губами.

— Очень личное.

На секунду они оба замолчали.

Потом Клэр встала, принесла из ванной маленькую аптечку, положила рядом на стол стерильную салфетку и тонкий ланцет для прокола пальца — простой, бытовой, из тех, которыми в приюте иногда приходилось проверять сахар или делать быстрые тесты.

— Это подойдёт? — спросила она.

Стивен посмотрел на неё.

— Ты удивительно спокойно готовишь меня к вскрытию наследственного артефакта с системой самоуничтожения.

— Я стараюсь не драматизировать раньше времени.

— А потом?

— Потом посмотрим, стоит ли.

Он выдохнул чуть глубже. Её ровный тон помогал не меньше, чем любое сочувствие.

Стивен взял ланцет, на секунду задержал его у подушечки пальца, потом нажал. Боль была короткой, почти ничтожной. Капля крови выступила медленно, тёмная, слишком человеческая на фоне гладкой панели кейса.

— Красиво, — сказал он сухо. — Всё-таки без крови нельзя.

Клэр не улыбнулась.

— Стивен.

— Знаю.

Он приложил палец к биометрическому сегменту.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом под поверхностью кейса прошёл едва слышный низкий импульс, будто внутри ожил маленький, очень дорогой механизм. Панель под пальцем потеплела. По краям корпуса вспыхнула тонкая белая линия, пробежала по контуру, исчезла. Щёлкнул скрытый замок.

Кейс открылся.

Не резко. Почти мягко — как вещество, давно ждавшее нужного прикосновения.

Внутри всё было устроено с той выверенной минимальностью, которой Альберт пользовался во всём, что касалось серьёзных вещей. Никаких лишних элементов. Никакой рос-

коши. Только функции.

На чёрной подложке лежали два предмета.

Слева — тонкая карта доступа, матовая, тёмно-серая, без имени, только с едва заметной гравировкой по краю. На свету в ней проступал внутренний металлический слой — не декоративный, а рабочий, как у вещей, открывающих не двери, а уровни допуска.

Справа — браслет.

Стивен не сразу понял, что смотрит именно на него. Сначала воспринял предмет как нечто среднее между украшением и медицинским устройством: узкий обод из тёмного металла, почти чёрного, но с холодным графитовым отсветом; внутренняя поверхность матовая, внешняя — гладкая, как если бы её не отливали, а выращивали. На одном краю — тонкий, почти незаметный интерфейсный шов, похожий скорее на естественный изгиб материала, чем на технологическое соединение.

Браслет выглядел не агрессивно. В этом и было самое неприятное.

Не как оружие. Не как капкан. Скорее, как вещь, которую легко принять за завершённый, красивый инструмент, пока не понимаешь, для чего она на самом деле существует.

Клэр первой нарушила молчание.

— Это и есть его распоряжение?

— Видимо.

Стивен занёс ладонь над кейсом, но не сразу коснулся

браслета. Только завис пальцами в нескольких сантиметрах над ним.

Рядом с углублением под карту лежала узкая белая полоска — не конверт, не письмо, просто тонкая карточка из жёсткого материала, слишком лаконичная, чтобы в ней было что-то кроме самого необходимого.

Стивен взял её.

На одной стороне ничего. На другой — две короткие строки.

«Когда решишь перестать смотреть на поверхность — используй доступ. То, что принадлежит тебе, не станет ждать вечно.»

Стивен прочитал ещё раз. Потом медленно положил карточку обратно на стол.

Клэр смотрела на него, не на текст.

— Что там?

Он протянул ей карточку.

Она прочитала молча. Лицо её не изменилось резко, но в глазах появилось то самое выражение, которое всегда означало: она увидела в происходящем опасность раньше, чем кто-то назвал её по имени.

— Очень похоже на него, — сказала Клэр.

— Да.

— Ничего прямо не объяснить. Только оставить фразу, которая звучит как приказ, замаскированный под выбор.

Стивен не ответил.

Он снова посмотрел на браслет.

Вещь лежала в кейсе спокойно, почти безмятежно, и от этого становилось только хуже. Если бы она была уродливой, сложной, очевидно опасной, оттолкнуть её было бы проще. Но Альберт никогда не делал ставку на грубое отталкивание. Он умел соблазнять формой. Точностью. Правдоподобием. Тем ощущением, что перед тобой не насилие, а привилегия, которую нужно лишь признать.

— Карта, — сказал Стивен тихо. — И браслет.

— И это всё?

— Да.

Клэр посмотрела внутрь кейса.

— Он не оставил инструкцию?

— Это и есть инструкция.

Он сказал это раньше, чем успел подумать, и сам услышал в собственном голосе горькую точность. Отец действительно не любил ничего объяснять полностью. Он предпочитал оставлять человека между любопытством и необходимостью, пока тот сам не делал нужный шаг, убеждая себя, что выбор был свободным.

Стивен взял карту двумя пальцами. Она оказалась холодной и неожиданно тяжёлой для своего размера.

— Как думаешь, куда она открывает доступ? — спросила Клэр.

— Внутрь.

— Очень обнадёживающе.

Он положил карту обратно и наконец осторожно поднял браслет.

Металл был прохладным, но не ледяным. Слишком гладким. Слишком живым на ощупь для простой вещи. Внутренняя поверхность на долю секунды отозвалась слабым свечением — не ярким, не явным, почти иллюзией — и тут же погасла.

Стивен застыл.

— Ты видел? — спросила Клэр.

— Да.

Она медленно поднялась со стула и подошла ближе, вставая у него за плечом.

— Не надевай его.

Он посмотрел на неё снизу вверх.

В её голосе не было паники. Только мгновенная, чистая уверенность.

— Я и не собирался, — сказал он.

Это была правда.

Но где-то глубже уже жило другое чувство — не желание, не согласие, а та самая опасная, почти стыдная форма притяжения, которая возникает, когда человек сталкивается с чем-то, адресованным лично ему. Не миру. Не публике. Не безликой категории. Тебе.

Отец редко говорил с ним как с тем, кто действительно чего-то стоит. Редко вообще обращался к нему как к человеку, а не к ошибке в выборе траектории. И теперь, после

смерти, оставил вещь, которую не мог открыть никто другой.

Именно это делало браслет опасным ещё до любого действия.

— Он знал, что это сработает, — сказал Стивен очень тихо.

— Что именно?

— Что я не смогу просто выбросить это, не узнав, зачем он оставил мне именно такой доступ.

Клэр опустила ладонь ему на плечо.

— Это не значит, что ты должен играть по его правилам.

— Нет, — сказал он. — Но это значит, что я уже думаю в пределах поля, которое он разметил.

Он положил браслет обратно в кейс чуть резче, чем собирался.

Мягкий удар металла о подложку прозвучал в комнате почти громко.

На кухне закипел чайник. Обычный бытовой звук вдруг показался почти абсурдным рядом с этой чёрной коробкой на столе, в которой отец уместил свою последнюю форму присутствия.

Клэр наклонилась и снова посмотрела на карточку.

— “Когда решишь перестать смотреть на поверхность”, — произнесла она тихо. — Он и после смерти не может не говорить с превосходством.

Стивен горько усмехнулся.

— Это, возможно, единственная его по-настоящему ста-

бильная черта.

Он откинулся на спинку стула и прикрыл глаза на секунду.

Усталость пришла сразу, всей тяжестью дня. Церемония. Голограмма. Харрис. Кейс. Взорванный экран. И теперь — эта вещь на столе, слишком близкая, слишком адресная, слишком явно рассчитанная именно на него.

Клэр сжала пальцы на его плече чуть сильнее.

— Сегодня ты ничего с этим делать не будешь, — сказала она.

Это не был вопрос.

Стивен открыл глаза.

— Да.

— Кейс закрываем.

— Да.

— Убираем подальше.

Он кивнул.

Они снова сложили всё внутрь. Браслет лёг в своё углубление так спокойно, будто никогда и не покидал его. Карта — рядом, ровно, как в музейной витрине. Карточка — сверху. Слова исчезли из поля зрения, но не из головы.

Стивен закрыл кейс. Замки сомкнулись беззвучно.

На секунду ему показалось, что вместе с этим щелчком квартира тоже изменилась. Не сильно. Почти неуловимо. Просто в ней теперь существовал центр тяжести, которого раньше не было.

Клэр взяла кейс и сама отнесла его в шкаф, в самый низ,

за коробки, за зимние вещи, в дальнюю темноту, как будто расстояние внутри комнаты могло что-то значить для вещи, которая уже вошла в их жизнь не через пространство, а через замысел.

Когда она вернулась, Стивен всё ещё сидел за столом.

— О чём думаешь? — спросила она.

Он ответил не сразу.

— О том, что он ни разу не оставлял мне ничего просто так.

Клэр села рядом.

— Тогда хорошо, что ты это понимаешь.

Он посмотрел на неё.

— Иногда мне кажется, что именно этого он и добивался. Чтобы я понимал. Чтобы видел в каждом его жесте второй слой. И всё равно шёл дальше.

— Возможно.

— И всё равно хочется узнать.

Она не стала делать вид, что удивлена.

— Я знаю.

Тишина между ними стала плотной, но не пустой. За окном шёл дождь. На кухне больше не кипел чайник. Дом жил своим вечерним дыханием — батарея, трубы, стекло, далёкие машины.

И где-то за стенкой шкафа, в темноте, уже лежало не просто наследство. Лежал вопрос, на который отец снова не дал прямого ответа — только оставил дверь и способ открыть её.

Стивен сидел неподвижно и вдруг с ясностью понял одну неприятную вещь: он боится не того, что внутри браслета спрятано что-то чудовищное.

Он боится, что внутри него спрятано что-то полезное.

Что-то, от чего будет трудно отказаться.

И именно поэтому, когда Клэр позже погасила свет и они легли, сон всё равно долго не приходил.

Кейс стоял в шкафу. Закрытый. Молчаливый.

Но в комнате уже присутствовала новая форма отцовской воли — не голос, не взгляд, не приказ.

Возможность.

Глава 11. Первый вход внутрь

Утро в соборе должно было всё исправить.

Стивен почти поверил в это, когда поднимался по знакомым ступеням, когда толкал тяжёлую дверь, когда прохладный воздух с запахом камня, старого дерева и едва уловимого ладана снова сомкнулся вокруг него. После Мемории, после зала с криокапсулой, после голограммы отца, после кейса, который стоял теперь в шкафу у него дома, собор казался не просто местом работы, а единственной средой, где вещи всё ещё подчинялись понятному закону: вот загрязнение, вот слой, вот хрупкая поверхность, вот рука, которая должна уметь остановиться вовремя.

Он пришёл рано. Хотел побыть у фрески до того, как день окончательно войдёт в свои права, до чужих шагов, до разговоров, до необходимости снова объяснять самому себе, что именно произошло вчера и почему это всё ещё не обрело внутри него правильного названия.

Платформа стояла на месте. Скланки, кисти, салфетки — тоже. Всё было как обычно. И именно поэтому необычность собственного состояния становилась почти оскорбительной.

Он поднялся наверх и несколько секунд просто смотрел на Серафима.

Бирюза в глазах уже проступила достаточно, чтобы взгляд начал складываться заново. Ещё немного, и ангел переста-

нет быть пятном под копотью, снова станет присутствием. Работа была живая, медленная, настоящая. Она требовала его целиком. Раньше этого хватало, чтобы всё остальное отступило.

Сегодня — нет.

Стивен взял тампон, смочил его в растворе, коснулся стены — и сразу понял, что руки двигаются чуть внимательнее, чем надо. Не из аккуратности. Из внутренней рассеянности. Мысль о кейсе сидела где-то глубже, чем мысль вообще. Не текстом, не картинкой — просто знанием, что в квартире теперь существует запечатанный центр тяжести, оставленный отцом, рассчитанный только на него.

Он попытался вернуть дыхание к рабочему ритму. Один участок. Потом другой. Медленно. Слои за слоями.

Не получилось.

Внизу, у верстака, уже работал Эзра. Стивен слышал редкий звон стекла, шорох бумаги, скрип старой подошвы по камню. В любой другой день этих звуков было бы достаточно, чтобы собор снова собрал его изнутри. Сегодня они только подчёркивали, насколько это не удаётся.

Он опустил тампон и закрыл глаза на секунду.

— Не выходит? — донёсся снизу голос Эзры.

Стивен открыл глаза.

Старик не смотрел на него прямо. Стоял у окна, перебирая стеклянные фрагменты, как будто вопрос задал не для разговора, а как мастер, по звуку понявший, что что-то не

так.

— Пока нет, — ответил Стивен.

Эзра помолчал.

— Тогда не притворяйся, что выходит.

Стивен усмехнулся без радости.

— У вас удивительно мало таланта к утешению.

— Это не утешение. Это экономия времени.

Он спустился с платформы, потому что продолжать делать вид, будто работа идёт, было уже почти нечестно по отношению к самой фреске. Вблизи Эзра выглядел старше обычного — или, может, просто утро было жёстче к его лицу. Свет подчёркивал морщины, седину, сухую усталость кожи. Но руки всё равно двигались точно.

— Ты был там, — сказал Эзра, не поднимая головы.

Это не был вопрос.

— Был.

— И?

Стивен чуть пожал плечами, будто ответ можно было сжать этим движением.

— Холодно.

Эзра хмыкнул.

— Внутри или снаружи?

— Везде.

На это старик наконец поднял глаза. Несколько секунд смотрел на него внимательно, без лишнего сочувствия, без той дешёвой мягкости, которая бывает у людей, решивших,

что чужая боль даёт им право говорить правильные вещи.

— Это пройдёт, — сказал он. — Но не сегодня.

Стивен кивнул. Он и не ждал, что сегодня пройдёт.

В кармане пальто, оставленного у входа, завибрировал коммуникатор.

Они оба услышали это сразу. Чужой, резкий звук в старом воздухе собора всегда казался чем-то почти неприличным.

Стивен не двинулся несколько секунд. Потом всё же пошёл за пальто.

На экране было имя Харриса.

Он смотрел на него так долго, что вибрация успела стихнуть. Потом снова началась.

Эзра издали сказал:

— Если не ответишь, он не исчезнет.

— Обнадёживает.

— Я и не собирался.

Стивен принял вызов.

Лицо Харриса не появилось — только голос. Всё тот же ровный, безлично собранный голос человека, который даже экстренность умеет подавать как часть регламента.

— Мистер Росс. Доброе утро.

— Сомнительно, — сказал Стивен.

Пауза на том конце длилась ровно столько, чтобы не считаться реакцией.

— Совет директоров Мемории просит вас приехать сегодня. В первой половине дня, если это возможно.

— Просит?

— Да.

— А если невозможно?

— Тогда это осложнит ряд решений, которые уже находятся в стадии подготовки.

Стивен закрыл глаза на секунду.

— Конечно.

Харрис продолжил, не меняя тона:

— Ваше присутствие желательно как можно скорее. Для вас будут открыты необходимые уровни доступа. Охрана предупреждена. При входе назовёте имя, дальше вас сопроводят.

— Я не помню, чтобы соглашался на это.

— После вчерашнего дня, мистер Росс, некоторые процессы уже запущены независимо от степени вашего личного комфорта.

Эта фраза прозвучала так по-альбертовски, что Стивен невольно сжал челюсть.

— Вы хотя бы иногда слышите, как сильно похожи на него?

— До встречи.

Связь оборвалась.

Стивен ещё секунду смотрел на погасший экран, потом медленно убрал коммуникатор обратно.

Эзра ждал.

— И что там? — спросил он.

— Мемория хочет меня видеть.

— Конечно хочет.

— Вы говорите так, будто это было очевидно.

— А разве нет?

Стивен молчал.

Эзра отложил стекло, вытер пальцы о ветошь и наконец развернулся к нему всем корпусом.

— Ты думал, они отпустят тебя после похорон просто вернуться к фреске? — спросил он. — Такие люди редко оставляют всё как было, если уже решили, что ты им зачем-то нужен.

Стивен отвёл взгляд.

Потому что да — какая-то часть его действительно надеялась именно на это. На отсрочку. На то, что между смертью отца и следующим шагом всё-таки останется промежуток, в котором можно будет сохранить собственную жизнь в прежнем виде ещё хотя бы день.

— Я не хочу туда, — сказал он.

— Знаю.

— Тогда почему вы говорите так спокойно?

Эзра посмотрел на него странно. Не сурово. Почти устало.

— Потому что иногда человек идёт не туда, куда хочет, а туда, где наконец становится видно, кто именно тянет за нити.

Эта фраза легла в утренний воздух почти бесшумно, но Стивен всё равно почувствовал в ней знакомую эзровскую

ть — то самое ощущение, что старик всё время знает о чём-то больше, чем позволяет себе сказать.

— Это опять звучит так, будто вы говорите не только о работе, — заметил он.

— Я редко говорю только о работе.

Стивен смотрел на него и вдруг понял, что именно сейчас раздражает сильнее всего: не вызов Харриса, не совет директоров, не даже необходимость снова войти в Меморию. Хуже было то, что часть его уже ждала этой встречи. Не хотела — ждала. Потому что за отвращением и усталостью сидело ещё одно чувство, более постыдное: любопытство.

Что они покажут ему теперь? Что отец подготовил? Почему всё устроено так, будто его уже давно вписали в систему?

Эзра, кажется, прочёл это по его лицу.

— Любопытство — не грех, — сказал он. — Пока ты ещё помнишь, что за него тоже платят.

— И чем именно?

— Собой, — сказал Эзра просто. — Обычно собой.

Стивен усмехнулся, но без веселья.

— Очень бодрящее напутствие.

— Ты пришёл не за бодростью.

Нет, не за ней.

Он поднял взгляд к платформе, к фреске, к Серафиму, у которого из-под копоты уже почти полностью проступил глаз. Работа действительно ждала. Но Эзра был прав: сегодня не получится сделать вид, что всё по-прежнему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.